

Лев БЕРДНИКОВ

ЕВРЕИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

XV – начало XX вв.

Лев Бердников

**Евреи государства
Российского. XV – начало XX вв.**

«Спорт»

2011

ББК 47

Бердников Л. И.

Евреи государства Российского. XV – начало XX вв. /
Л. И. Бердников — «Спорт», 2011

ISBN 978-5-904885-42-7

Книга писателя Льва Бердникова – документально-художественное повествование о евреях, внесших ощутимый вклад в российскую государственную жизнь, науку и культуру. Представлена целая галерея портретов выдающихся деятелей XV – начала XX вв. Оригинальное осмысление широкого исторического материала позволяет автору по-новому взглянуть на русско-еврейские и иудео-христианские отношения, подвести читателя к пониманию феномена россиянина еврейской идентичности.

ББК 47

ISBN 978-5-904885-42-7

© Бердников Л. И., 2011
© Спорт, 2011

Содержание

Предисловие	7
Foreword	11
«Да молвите Кокосу жидовину от Великого князя»	14
Оклеветанный эскулап	21
Многогранный алмаз	28
Дело врача	36
Петр I и евреи	44
Звездный час барона Шафирова	54
Веселовские	65
I. Опальный дипломат	66
II. Ментор для наследника престола	72
III. Возвращение резидента	78
Главный самоед империи	84
Казус Липмана	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Лев Бердников

Евреи государства Российского (XV – начало XX вв.)

*Посвящается моему деду,
литературоведу Григорию Львовичу Абрамовичу*

*Автор благодарен за ценные замечания и советы в подготовке
книги Марку Авербуху, Евгению Берковичу, Маркусу Левитту, Раде
Полищук, Анатолию Разгону, Семену Резнику, Ушанги Рижинашвили,
Юрию Табаку, Ларисе Токарь, Игорю Туфельду.*

Евреи. Из книги Густава-Теодора Паули «Этнографическое описание народов России» (Спб., 1862)

Предисловие

Книга Льва Бердникова «Евреи Государства Российского» представляет собой значительно дополненное и расширенное издание книги «Евреи в ливреях» (М.: Человек, 2009).

«Ах, не шейте вы ливреи, евреи!» – эти слова из памятной песни Александра Галича предостерегают представителей иудейского племени всех времен держаться подальше от власть предержащих. Многие персонажи новой книги Льва Бердникова сему совету не вняли и вошли в историю именно потому, что были на виду и вращались в высших государственных и придворных кругах царской России. Рассказано здесь и о тех де я те лях, кто сыграл видную роль в российской культуре, науке, просвещении, чем прославили Отечество и обессмертили свои имена. Автор выстраивает целую галерею портретов выдающихся российских евреев XV – начала XX вв. Поражает при этом завидная широта их профессиональной деятельности: перед нами не только иудеи-купцы, предприниматели, ювелиры, ученые, банкиры и врачи, но и евреи-дипломаты, фольклористы, придворные учителя, литераторы, общественные деятели и даже шуты. И каждый из них оставил свой неповторимый след в истории.

Времена, как известно, не выбирают. Герои этой книги жили и действовали в эпоху государственного и религиозного антисемитизма, а потому большинство из них были поставлены перед необходимостью креститься (как некогда испанские и португальские мараны). Были периоды, когда подвергали ostracismu за одно лишь подозрение в тайной приверженности религии Моисея, когда без крещения не позволили бы не только облачиться в ливреи, но и вообще поселиться в России. Аккультурация и ассимиляция коснулась всех, но степень и градус этой мимикрии разнились, демонстрируя все многообразие культурно-исторических типов. Перед нами предстают фигуры, подчас парадоксальные по своей полярности: например, с одной стороны, один из основателей Петербургской еврейской общины, «защитник своего народа» – поборник прав иудеев Нота Ноткин; а с другой – еврей только по происхождению, думный дьяк Посольского приказа Алмаз Иванов, истый ревнитель православия.

Однако без такого не помнящего родства с иудеями Иванова (равно как без рыцаря славянской фольклористики Павла Шейна – бескорыстного подвижника, посвятившего жизнь изучению русской и белорусской народной песни) картина была бы и неполной, и исторически недостоверной. Оставить их вне поля зрения означало бы упустить из виду еврейский этнический след в российской истории и культуре. Ведь в книге показывается, что уже под скипетром «тишайшего» царя Алексея Михайловича, помимо Алмаза Иванова, подвизались крещеные евреи: русский посол в Кахетии В. С. Жидовин, приказной дьяк В. Юдин; начальник московских стрельцов И. В. Жидовин; придворный доктор Д. Гаден (причем, мы говорим только о государевой службе). Названные лица настолько удалены от нас по времени, что проникнуть в их думы, постичь логику их поступков можно лишь умозрительно. Так, история умалчивает о том, что чувствовал, к примеру, царедворец Алмаз Иванов, когда принимал в Кремле гонителя и убийцу Богдана Хмельницкого, на чьих руках была кровь десятков тысяч его соплеменников. Кто может поручиться, что в минуту официальных посольских церемоний Алмаз не вспомнил о своем еврействе?

Книга изобилует впечатляющими примерами, когда евреи-выкресты пеклись об интересах соплеменников и использовали свое привилегированное положение исключительно им во благо. Вот кремлевский врач Даниил Гаден добивается разрешения на торговлю в Москве еврейских купцов и сам привечает иудеев в своем доме. Резидент в Вене Авраам Веселовский убеждает Петра Великого в высоком профессионализме специалистов-евреев; а его брат, учитель великого князя Петра Федоровича Исаак Веселовский, настоятельно про-

сит монархиню-юдофобку Елизавету Петровну разрешить евреям беспрепятственно жить в России. А разве не дорогого стоит признание генерал-лейтенанта Генштаба Михаила Грулева, сделанное им на рубеже XIX и XX столетий: «Самое важное, что старательно и неусыпно держал всегда под светом моей совести, – это было то, что по мере сил я боролся, пассивно или активно, против несправедливых обвинений и гонений на евреев. Следуя вот в этих случаях «голосу крови» и велениям сердца, я в то же время видел в такой борьбе сокровенное и разумное служение России, моей Родине, по долгу совести и принятой присяги».

А сколько поколений россиян прислушивалось к пронзительному «голосу крови» Семена Надсона (евреем был его дед), а именно, к стихотворению «Я рос тебе чужим, отверженный народ». Произведение это в глазах современников было окрашено в яркие эмоциональные тона. Ибо трагическая кончина самого Надсона, затравленного юдофобом Бурениным и черносотенной прессой, придавало его словам о «стае жадных псов», терзавшей еврейство, злободневность и остроту. А если принять во внимание исключительную популярность этого поэта в конце XIX века, можно говорить о выдающейся роли этого произведения в борьбе с антисемитизмом в российском обществе.

Важно то, что Л. Бердникову удается оставаться верным исторической правде и реалиям времени, о какой бы эпохе ни шла речь в книге. Это тем более ценно, что в некоторых сочинениях израильских авторов делается необоснованная попытка представить всех выдающихся прашуров и убежденными сторонниками иудаизма. Так, один известный тамошний писатель живописует прямо-таки фантастическую сцену. Будто бы евреи при дворе Петра Великого (в том числе и откупщик Борух Лейбов, прибывший из Смоленска прямо в царевы покои) собираются вместе на пасхальный седер и побуждают российского императора надеть ермолку (что тот без колебаний и делает). «Сомнительна не только эта сцена, – полемизирует с ним автор, – но и существование в Петербурге начала XVIII века какой-то особой еврейской партии, покровительствующей своим соплеменникам и крепко спаянной корпоративными или религиозными интересами».

Между тем сложно и противоречиво было отношение к иудеям и самого Петра Великого – «импульсивного прагматика», искреннего во всех проявлениях: и когда он честил иудеев, и когда защищал их. И великий реформатор России возвел на высшие государственные посты империи немало евреев, а те во главу угла ставили интересы их нового Отечества и именно с ними пытались примирить свое национальное чувство. Все свои связи они употребляли во благо России, которой беззаветно служили. Достаточно сказать, что блистательный дипломат Шафиров в условиях, когда русские войска были окружены со всех сторон втрое превосходящей их армией Оттоманской Порты, спас Россию от рабства и унижительных условий мира.

Не прохожими людьми, не перекаати-поле были герои книги – многие из них чувствовали себя хозяевами страны, глубоко укорененными в российскую жизнь. Примечательно, что именно Шафиров впервые ввел в русский литературный обиход слово «патриот», которое он определил как «Отечества сын». И для евреев это были не пустые слова! Многие из них и в более позднее время были ревностными патриотами страны, соединяя в себе заботу о судьбе единоплеменников и горячую любовь к России и русскому народу. Ученый-натуралист, академик Карл Габлиц, был одержим служением российской науке, он возрождал, превращал в цветущий край новоприобретенную Тавриду. Первый русскоязычный писатель-еврей Лев Невахович, автор книги «Вопль дочери иудейской» (1803), пишет сочинения, в которых прославляет Россию. «Ученый еврей» Министерства народного просвещения Леон Мандельштам, посвятивший жизнь просвещению своих единоверцев, выступает истым апологетом русской культуры, становится первым русскоязычным поэтом-евреем. Общественный деятель и меценат барон Евзель Гинцбург завещает потомкам обязательно хранить российское подданство и иудейскую веру. А его сын, барон Гораций Гинцбург, снис-

кавший особую известность и любовь единоверцев своей благотворительностью и защитой прав гонимого народа, и в лихолетье погромов и угнетения свято верил в будущее еврейской общины в России. Национальный еврейский поэт, сын пахаря Семен Фруг своей любовью к земле и горячим еврейским патриотизмом заслужил уважение и благоговение замечательного русского писателя Николая Лескова.

Так что же, выходит, предостережение: «Ах, не шейте вы ливреи, евреи!» беспочвенно и лишено оснований? К сожалению, нет! Судьба многих героев книги оказалась глубоко трагичной. Во времена Ивана III погибает на эшафоте врач Мистро Леон, ставший жертвой коварного заговора; другой доктор, Даниил Гаден, облыжно обвиненный в чернокнижии, был растерзан мятежными стрельцами в 1682 году; братья Абрам и Федор Веселовские вынуждены были бежать из страны и стали первыми дипломатами-невозвращенцами; умирает в нищете подрядчик Абрам Перетц, разорившийся на поставках провианта для русской армии в войне 1812 года, и т. д. Гонениям подвергались даже те евреи, чьи заслуги перед державой были поистине огромными. Над вице-канцлером Петром Шафировым был уже занесен топор палача, но вдруг «смилоостивились» и объявили лишь о ссылке, лишении всех чинов и орденов (а до того в Сенате ему не без удовольствия напомнили, что он «жидовской породы»).

На некоторых героев книги возводили напраслину даже после их смерти. Досужие историки-почвенники, умалчивая о реальном вкладе евреев в российскую культуру и становление империи, пытаются отыскать следы вредоносных происков «жидомасонов» в годину самых мрачных событий российской истории. Вот здесь-то роль «евреев в ливреях» ими сознательно и настойчиво гипертрофируется. По логике сих «ученых мужей», времена царствования императрицы Анны Иоанновны правильнее было бы назвать не «Бироновщина», а «Липмановщина» по имени приближенного к временщику Э. И. Бирону еврея-банкира Леви Липмана, который якобы и правил Россией. В книге показывается абсурдность и смехотворность утверждения о всемогуществе некрещеного еврея Липмана (бывшего лишь одним из кредиторов Бирона) в эпоху религиозной нетерпимости и антисемитской истерии.

Агрессивный поиск «исторического компромата» на еврейский этнос особенно рьяно и упорно ведется в сфере литературы, точнее – в области русской поэзии. Ангажированные литературоведы и критики пытаются внушить мысль, что в смерти великих русских поэтов повинны именно евреи, которые якобы повязаны вековым тайным заговором против России. И не беда, если их нет рядом, под рукой, – при желании жидом можно объявить любого прохвоста или мерзавца, особенно же, когда дело пахнет смертоубийством. Вот злосчастный Николай Мартынов, застреливший на дуэли великого Лермонтова, – даром, что православный, дворянин, офицер, а отчество-то у него «Соломонович»! Зачем утруждать вопросом, по каким причинам православные христиане и Мартыновы, в частности, могли дать новорожденному библейское имя Соломон? Какое дело русскому националисту до Недели святых праотцев в Православной церкви (а она отмечается в конце декабря), когда младенцам давали древнеиудейские имена?! А вот мученический образ русского поэта, убиенного супостатами-инородцами, очень даже притягателен. Ну, как тут удержаться от искушения объявить Соломоновича – Мартынова – натуральным жидом! И не только объявить, но и фильм об этом заделать – очень «художественный» и весьма «просветительский». Да еще приплести к заговору против Лермонтова канцлера Карла Нессельроде (мать-то у сего сановника, как в биографическом словаре сказано, – этническая еврейка лютеранского вероисповедания)...

Отрадно, что характеры известных государственных деятелей под пером Л. Бердникова раскрываются перед нами с новой, неожиданной стороны. Так, специальный очерк посвящен светлейшему князю, фельдмаршалу Григорию Потемкину-Таврическому. Он предстает здесь убежденным юдофилом, первым в российской истории государственным

мужем – сторонником сионистской идеи. Этот харизматический деятель впервые после разрушения второго храма в Иерусалиме вооружает иудеев и формирует в 1786 году «Израилевский» конный полк, который предлагает расквартировать в освобожденной от турок Палестине, где и намеревается собрать всех евреев.

Но до реализации этого плана «светлейшего юдофила» Потемкина было еще бесконечно далеко. Огромное число иудеев продолжало жить тогда в Российской империи. Из их среды и выделились евреи, ставшие героями этой книги. Они вошли в анналы истории, а потому вызывают к себе сегодня наш живой и неподдельный интерес.

Александр Локшин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН РФ

Foreword

Lev Berdnikov's book «Jews of the Russian State» is a significantly expanded version of his earlier volume *Jews in Livery* (Moscow, 2009).

«Oh, Jews, don't you sew livery!» These words, from the well-known song by Alexander Galich, ring out as a bitter admonition to Jews of all times, warning them to keep a safe distance from those in power. Many of the heroes of Lev Berdnikov's book *Jews in Livery* did not heed this advice and entered history precisely because they made themselves visible and circulated in the highest state and court circles of tsarist Russia. They played a leading role in Russian culture, academics, and enlightenment, both bringing glory to the nation and immortality to their names. The author presents an entire gallery of outstanding Russian Jews of the fifteenth through twentieth centuries. The breadth of their professional activities is striking: here are not only merchants, entrepreneurs, jewelers, scholars, bankers and doctors, but also diplomats, folklorists, court tutors, men of letters, social activists and even court jesters. And each of them left a unique mark on Russian history.

Human beings do not have the luxury of choosing their time and place of birth. «Jews in livery» lived and worked in times of governmental and social anti-Semitism, so that the majority of them were faced with the necessity to convert, as had happened with the Spanish and Portuguese Marranos. There were periods when they faced ostracism for even the suspicion of secretly professing the Mosaic faith, when without conversion they would not only not have been allowed to dress in livery, but even to live in Russia. Acculturation and assimilation faced all of them, but its degree and degree of sincerity differed greatly, manifesting a great variety of cultural and historical types. Before us arise figures at times paradoxical in their extremes: on the one hand, for example, one of the founders of the St. Petersburg Jewish community, the fighter for Jewish rights Nota Notkin, who supported the assimilation of Jews to Russian language and culture; on the other, the Jew only by birth Almaz Ivanov, boyar clerk (*dumnyi d'iak*) of the Foreign Office, who was a fierce zealot of Russian Orthodoxy. However, without reference to his relationship to the Jews our view of figures like Ivanov would be incomplete and historically unreliable; the same goes for Pavel Shein, who selflessly dedicated his life to the study of Russian and Belorussian folksongs. To ignore such figures would mean to underestimate the significant Jewish impact on Russian history and culture. Indeed, as Berdnikov shows, already under Tsar Aleksei Mikhailovich, apart from Almaz Ivanov, there were numerous converted Jews in state service: the Russian ambassador in Kakhetiia V. S. Zhidovin; the departmental clerk V. Yudin; head of the Moscow *strel'sty* I. V. Zhidovin; court physician D. Gaden; and others (and here we are speaking only of those in state service). These figures are so distant from us in time that to delve into their minds and understand the logic of their actions is necessarily speculative. History is silent, for example, on what Almaz Ivanov felt when he received «Khmer the Wicked» in the Kremlin—that is, the infamous Bogdan Khmel'nitskii at whose hands tens of thousands of innocent Jews perished. Who would doubt that at that moment he had a thought for his own Jewish origins?

This book is filled with striking stories about converted Jews who used their privileged position to intervene with the Russian crowned authorities in favor of their fellow countrymen. Thus the Kremlin physician Daniil Gaden obtained permission for Jewish merchants to trade in Moscow, procured commissions for them from court, and received them in his home. The Russian resident in Vienna Avraam Veselovskii convinced Peter the Great, far from well-inclined to Jews, of the high professional qualifications of Jewish specialists; and his brother Isaac Veselovskii, who was the teacher of Grand Duke Peter Fedorovich, did not shy away from trying to convince the imperial judeophobe Elizabeth Petrovna to allow Jews to settle in Russia unimpeded. Similarly precious is the admission of the General-lieutenant of army command Mikhail Grulev, made on the

cusps of the nineteenth-twentieth centuries: «The most important thing, that I always held before myself in the light of conscience, was to fight as best I could, passively or actively, against unjust accusations and attacks on Jews. Following both the 'voice of my blood' and the command of my heart, in these cases I also saw my sacred and rational service to Russia, my land of birth, in consonance with duty to conscience and to my vow.»

And how many generations of Russians have listened to the piercing «voice of blood» expressed by Semen Nadson (whose grandfather was Jewish), in particular, to his poem «I grew up, alien to you, outcast people.» This poem had heightened emotional power for Nadson's contemporaries, since the tragic death of the poet himself, defamed by the Jew-hater Burenin and the anti-Semitic Black Hundreds' press, lent his words about «a pack of ravenous hounds» sharpness and topicality. The exceptional popularity of this poet in the late nineteenth century suggests the important role of this work in the battle with anti-Semitism in Russian society of the time.

It is also important that Berdnikov succeeds in remaining faithful to historical truth and contemporary realia, independent of which period is being analyzed. This is all the more important since in several works by Israeli authors attempts are unjustifiably made to present all of our outstanding ancestors as committed advocates of Judaism. Thus one well-known writer describes the following fantastic scene: Allegedly Jews at the court of Peter I, including the tax-farmer Boruch Leibov, who arrived at the Tsar's quarters directly from Smolensk, were gathering together for a Passover seder, and convinced the Russian emperor to don a yarmolka, which he did without hesitation. «Not only is this episode doubtful,» responds Berdnikov, «but so is the very existence of an alleged Jewish party at the beginning of the XVIIIth century, supposedly supported by other co-religionists and firmly united by corporate and religious interests...

In fact, Peter the Great's attitude toward Jews was complex and contradictory. He was a «impulsive pragmatic,» sincere in all of his actions – both when he criticized Jews and when he defended them. The great reformer elevated no few Jews to the highest state positions in the Empire, and they put the interests of their new homeland first, attempting to reconcile them with their national feelings. They often used their blood ties to advance Russian interests, which they served selflessly. It is enough to cite the case of the brilliant diplomat Petr Shafirov who saved Russia from slavery and humiliating conditions of defeat when Russian troops were completely surrounded by a far superior Ottoman army twice their size.

Incidentally, it was Safirov who first introduced the word «patriot» into the Russian literary language, which he defined as «son of the Fatherland.» These were not empty words for «Jews in livery.» Many of them served as zealous Russia patriots, combining concern for their people with sincere love for Russia and the Russians. The scholar, naturalist and academician Karl Gablits dedicated himself to Russian science and helped revive the newly acquired territories of Tauride (the Crimea), transforming it into a blossoming land. The first Russian-language Jewish writer, Lev Nevakhovich, author of *A Daughter of Judea's Wail* (1803), wrote works extolling Russia. The «learned Jew» of the Ministry of Enlightenment, Leon Mandel'shtam, who dedicated his life to the many-sided education of the Jews in Russia, was also a fierce advocate of Russian culture, and became the first Jewish poet to write in Russian. The remarkable Jewish social activist and patron Baron Evzel Ginzburg obliged his descendants to preserve both their Russian citizenship and Jewish faith, and his son Baron Horace Ginzburg earned recognition and love through his philanthropy and defense of the rights of his people, and despite witnessing pogroms and persecutions in his old age, still believed in the future of the Russian Jewish community. And the national Jewish poet, Semen Frug, who was the son of a farmer, earned the respect and admiration of the remarkable Russian writer Nikolai Leskov with his love for the land and his fervent Jewish patriotism.

So-does this mean that the warning «Oh, Jews, don't you sew livery!» was groundless? Unfortunately, not. Berdnikov recounts the fates of many «Jews in livery» that were tragic. In the time of Ivan III the doctor Mistro Leon perished on the scaffold, victim of a cruel conspiracy. And another doctor, Daniil Gaden, falsely accused of black magic, was tortured to death in 1682 by rebellious strel'tsy. The brothers Abram and Fedor Veslovskii were forced to flee the country, and thus became Russia's first non-returning diplomats. Chief of Police Anton Divier was exiled to Siberia. The contractor Abram Peretz, who went bankrupt supplying the Russian army with provisions in 1812, died in poverty. And so on! Even those whose services to the country were truly enormous could be subject to persecutions; thus Petr Shafirov was ultimately stripped of his ranks and medals, as the Senate gleefully recalled that he was of the «zhid breed.»

Several of the heroes of this book were not left in peace even after death. Xenophobic historians with nothing better to do keep silent about the contributions made by Jews to the Russian empire while trying to seek out traces of harmful intrigues hatched by «zhid-masons» and contributing to the most dismal events in Russian history. At times the role of «Jews in livery» is thus purposefully and outrageously exaggerated. By the logic of these learned writers, the dark period under Empress Anna Ioannovna should be called not «bironovshchina» (the time of Biron) but «lipmanovshchina,» after E. I. Biron's close associate, the Jewish banker Levy Lipman, who they say, allegedly ruled Russia. (Berdnikov addresses the falsity and absurd nature of this and other assertions about Lipman's power, demonstrating that he was just another of Biron's many creditors.)

The aggressive search for historically compromising material about Jews is especially zealous and stubborn in the sphere of Russian literature, – more precisely, in the area of Russian poetry. Tendentious literary scholars try to push the idea that it was precisely the Jews who were responsible for the death of great Russian poets, as part of an age-old secret conspiracy against Russia. And it's no problem for them if no evidence exists; it's simple enough to label as a zhid any cheat or scoundrel, especially if murder is involved. Thus the unfortunate Nikolai Martynov who shot the great Lermontov in a duel – so what if he was Orthodox, an aristocrat, officer – but what about that suspicious patronymic «Solomonovich»?! The Russian nationalist has no interest in the fact that during the week of holy forefathers in the Orthodox church in late December newborns were given ancient-Jewish names. So here we have the image of a Russian poet and martyr, killed by evil foreigners – it's even rather appealing. So how can one help but give into the temptation of declaring Solomonovich-Martynov a natural born Jew – and not only to declare it, but make a film about it, one that is very «artistic» and even «enlightening.» And throw into the conspiracy against Lermontov the chancellor Karl Nesselrode, whose mother (we learn from a biographical dictionary) was ethnically Jewish but of the Lutheran faith...

Berdnikov also reveals several well-known Russian political figures in a new and unexpected light. For example, a separate essay is dedicated to the Prince and Field Marshall Grigorii Potemkin, who appears here as a convinced judophile and the first governmental figure in Russian history to support the Zionist idea. For the first time since the destruction of the Second Temple this charismatic figure armed Jews to form the «Israelevskii» Calvary Regiment in 1786. This he proposed to be quartered in previously Turkish-occupied Palestine, where he thought to summon all Jews once more.

But it was to be a vastly longer time until the realization of this plan than he imagined. A huge number of Jews were to continue to live and be absorbed into in the Russian empire, and among them were the heroes of this book. They entered the annals of history and merit our lively and sincere interest today.

Alexander Lokshin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

«Да молвите Кокосу жидовину от Великого князя» Хозя Кокос

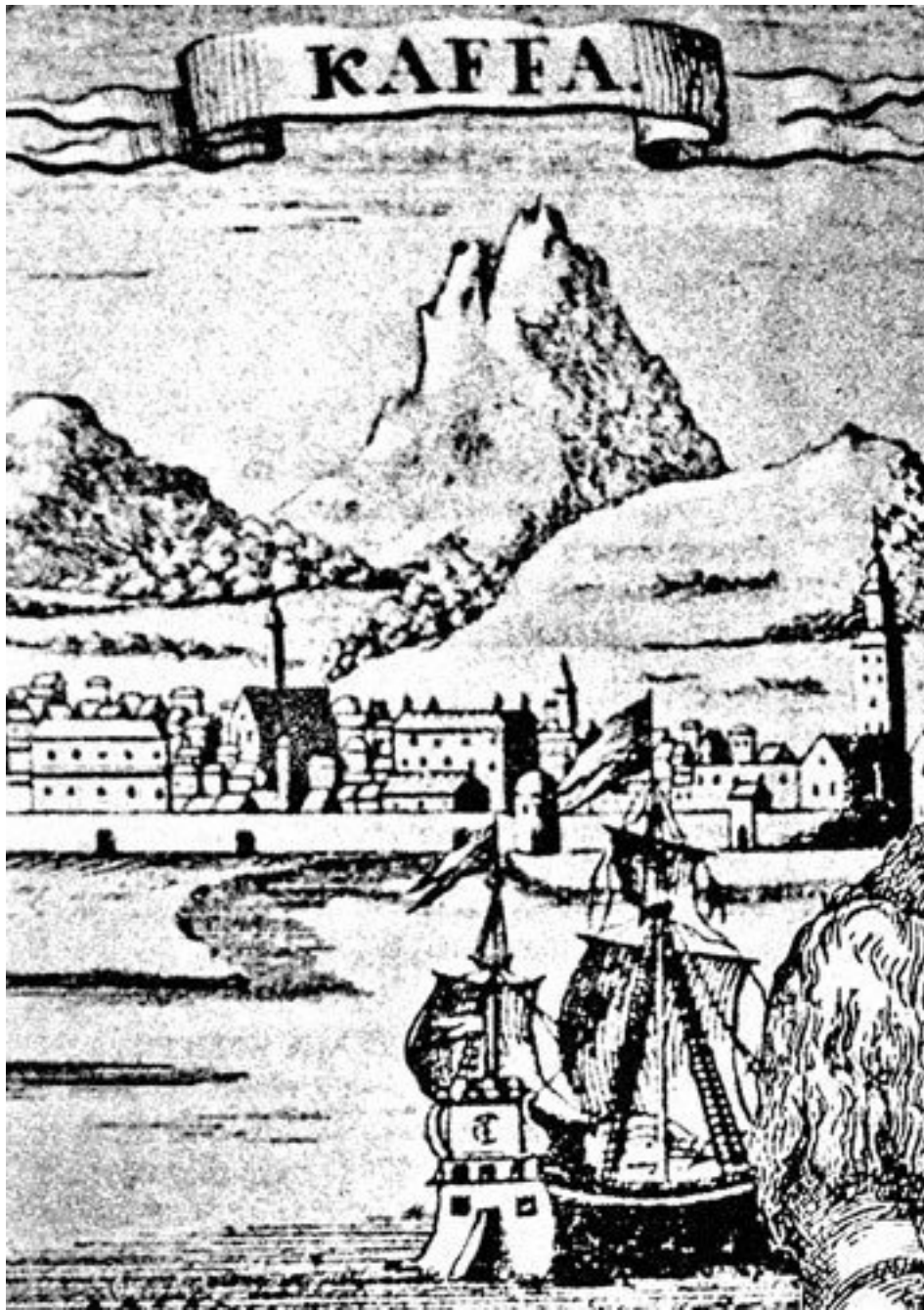
В царствование Ивана Великого, особенно в первой его половине, иудеи чувствовали себя в Московии весьма вольготно. Им было дозволено «торговлю чинить» и беспрепятственно колесить по городам и весям бескрайней Руси. Повсюду можно было заприметить принадлежавшие евреям повозки, обтянутые парусиной. «Высокие, худощавые лошади нерусской породы, – живописал в историческом романе «Басурман» И. И. Лажечников, – казавшиеся еще выше от огромных хомути, испещренных медными полумесяцами, звездами и яблоками, давали знать о мере своего хода чудным строем побрякушек такого же металла. На передках сидели большею частью жида... В тогдaшнее время не было выгодной должности, которую не брали бы на себя потомки Иудины. Они мастерски управляли бичом и кадуцеем, головой и языком... Особенно на Руси... во Пскове, в Новгороде и Москве шныряли еврей-суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и послы... В авангарде, из-под общипанного малахая и засаленного тулупаторчала, как флюгер, остроконечная борода и развевались пейсики, опушенные морозом».

«Полезные» евреи отыскивались не только на московских улицах, но и среди лиц, непосредственно приближенных к великому князю Ивану III, который, по словам историка Г. В. Вернадского, относился к иудеям весьма доброжелательно и терпимо.

К слову, в этом своем юдофильстве государь московский был не одинок, ибо институт придворных евреев существовал в большинстве стран Европы и Азии. Он имел давнюю традицию и вел свое начало еще с книги Бытия, где рассказывалось об Иосифе – высоком сановнике египетского фараона. Впоследствии жизнеописания придворных евреев, сохранивших религию отцов и помогавших своим соплеменникам, вошли в книги Даниила и Эсфири, а также в апокрифическую книгу Товита. В Средние века правители некоторых мусульманских стран приглашали на службу еврейских врачей и финансистов, и многие из них играли выдающуюся роль в жизни этих стран: Хисдай Ибн Шафрут, Я'аков Ибн Джау Шломо Ибн Я'иш и др. Пользовались финансовыми услугами евреев и средневековые правители. Так, в христианской Испании наибольшего влияния достиг врач и дипломат кастильского короля Иосеф Ха-Наси Фарузиель (XII век) и его племянник Шломо-Ибн Фарузиель, а позже член королевского совета Кастилии Иосеф де Эсиха (ум. 1340). В Арагонском королевстве выдвинулись ряд представителей еврейского семейства де ла Кабальерия (2-я половина XIII века), Альконстантини, Абравалья. В Португалии были широко известны астролог Ибн-Яхья, сборщик пошлин Гдалиа бен Шломо, государственный казначей Ицхак Абраванель и др.

Трудно перечислить всех иудеев при дворах европейских правителей. Заметим лишь, что и русские цари прибегали к их помощи в кредитно-торговых и посольских делах. И хотя из-за традиционной антиеврейской политики церкви институт придворных евреев не получил потом в России регулярного статуса, тем ценнее для нас событие, которое историки небезосновательно назвали самым ранним опытом «русско-еврейской дружбы». Речь идет о выдающемся торговом и дипломатическом посреднике на переговорах между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем. То был каффский (феодосийский) еврей Хозя Кокос.

Здесь необходим краткий экскурс в историю города Каффы, откуда происходил наш герой и где еще в 909 году было построено большое здание синагоги. На нем было начертано: «Мудростью строится дом и радостью утверждается. Да пошлет Всевышний Избавителя для Собрания Израиля!» Каффа была преимущественно еврейским городом: там имелись еще две синагоги и множество еврейских домов. Богатый каффский купец Хозя Кокос был одним из самых успешных торговцев полуострова. «Евреит сей мудр и в торговых делах и в государственных. Вельми хитер. Сейчас он наиглавнейший из богатых купцов в Каффе», – говорили о нем. Именно через Каффу проходил главный торговый путь из Италии на Кавказ. Хозя вел дела с русским правителем еще с начала 1470-х годов, сперва (через посредников) в сфере коммерции – продавал бриллианты и другие драгоценности, причем монарх остался весьма доволен евреем, который, по его словам, вел честную игру не только в торговле, но и в делах тайных. Может быть, именно поэтому Кокосу поручил великий князь передать Менгли-Гирею челобитную грамоту и уговорить его на союз с Московским государством.

Вид г. Каффы (Феодосия)

Впрочем, Кокос оказывал услуги Менгли-Гирею еще до того, как тот занял престол крымского хана. Он как будто предугадал желание царя – заполучить этого надежного союзника на рубежах с Казанью, Ордой, Польшей и Литвой, понимая, что союз с Крымом, а через него и с султаном турецким, был жизненно необходим Москве: ведь ослабление распрей на сем пограничье решало важнейшую для Московии задачу о вольнице Новгородской. Когда встал вопрос о ханстве в Крыму, Кокос послал Ивану III своего зятя Исупа с ходатайством о помощи Менгли-Гирею со стороны Руси и получил требуемую от русского самодержца сумму.

Иван III Васильевич

Московиты в XV веке

Не о собственной корысти пекся еврейский купец, а хлопотал о судьбе всего Крыма, так нуждавшегося в дружбе с Иваном III. Кокос мечтал о сильной ханской власти и о финансовых вливаниях в государственную казну, о союзе с султаном, о прекращении бесчисленных походов воинственных казанцев на Крым и о контактах со ставленником Москвы – Ордынским наследником престола царевичем Касимом. В знак благодарности за помощь купца вступивший на престол хан Менгли-Гирей на три года освободил город Каффу откуда был родом этот еврей, от всех налогов...

В 1474 году великий князь московский поручил прибывшему в Крым русскому послу Никите Беклемешеву передать Кокосу поклон от великого князя и просьбу способствовать сближению сторон, обещая еврею в случае успеха «свое жалованье». Из документов видно: переписка между ними долгое время велась на иврите, что явно доставляло великому князю немалые трудности с переводом. Потому, наверное, иудею было приписано, чтобы впредь «он жидовским письмом грамоты бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или бесерменским». Иван поручает также своему послу: «Да молвите Кокосу жид овину от великого князя... как еси наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и ныне служил нам, а мы аж даст Бог хотим тебя жаловати!»...

И вновь пред светлые царевы очи является посланец, в ермолке и с характерными пейсами. То был зять Кокоса Исуп. Поклонился он царю и пожелал удачи.

– Почему руки не целует и в ноги не падает?! Аль не ведает, как вести себя с государем?! – взъярился было московский князь.

– Не казни, государь, не положено им, – вступился за еврея дьяк. – Вера у них такая. Один царь у них – Бог, а остальные все равны перед ним. На смерть идут ради своей веры, не прогневайся, государь!

– Коль за веру на смерть идут, это похвально. Вера – дело серьезное! – миролюбиво отозвался Иван.

– Пишет Кокос, что хан только союза с Москвой хочет крепкого. Позовешь его на войну с Казанью или с польским «крулем» Казимиром – с тобой будет. Мыслит Менгли-Гирей, что от дружбы той обоим государям только польза будет!..

Хозя проявил себя как преданный друг русских в самое тяжелое для Московии лето. Так, в 1479 году Ордынский хан Ахмат собрал недюжинное войско и всем раструблил о своем походе на Русь. Тогда Кокос, не мешкая, отправляется в Турцию, к султану Баязеду II, испрашивая у него мира, дружбы и взаимовыручки с северным соседом. Дорогую стоила привезенная им от султана грамота, врученная сим верноподданным евреем русскому послу в Крыму: «Султан Баязед, сын султана Мехмета, милостию Божией повелитель Азии и Европы – великому князю Московскому Ивану Васильевичу.

От всего сердца посылая наши приветствия, спешим уведомить великого князя, что мы с большой радостью и душевным утешением узнали через посредство Хози Кокоса Евреина о Вашем желании иметь с нами мир и дружбу. Среди прочего названный Кокос сообщил, что князь Ахмат выступит в поход против Вас.

Поразмыслив... мы нашли выход, который будет прекрасной порукой Вашему спокойствию. Мы посоветовали крымскому хану Менгли-Гирею помочь Вам, а со своей стороны, проведем угрозу крулю польскому Казимиру. Кроме того, ради Вашего вящего спокойствия обещаю, что буду стоять с Вами в мире и дружбе... Дабы у Вас не оставалось сомнений в твердости данных обещаний, мы в присутствии своих придворных и посланников клянемся истинным Аллахом, а также Священными книгами, что выполним все обещанное...»

В результате слаженных военных действий Казань была разгромлена и никогда уже больше не угрожала Москве. А князь Ахмат, хотя и разбил крымцев (Менгли-Гирей бежал тогда в Турцию, а Кокос – в Венецию), недолго праздновал победу: через год он был убит ногайским ханом. На деньги же, собранные в Венеции Кокосом, Менгли-Гирей создал войско и (при поддержке великого князя Московского) снова обрел крымский престол.

Иван III доверял Кокосу и дела самого деликатного свойства. Ему, к примеру, поручили сосватать дочь мангупского князя Исайки Марию за старшего сына царя – Ивана Молодого. Несмотря на радушный прием, оказанный свату, Хозя не стал кривить душой и не одобрил невесту, найдя ее слишком заносчивой. Брак, однако, не состоялся бы и без этого – Мария скоропостижно скончалась.

Кокос всемерно содействовал русским купцам в Крыму, добивался для них привилегий от хана Менгли-Гирея. Нередко Хозя слал Ивану III знатные подарки: яхонты, жемчуга, сукно ипрское, бархаты и т. д.

Неоценима была роль Кокоса в освобождении русских пленных и, прежде всего, дьяка Федора Васильевича Курицына в 1487 году. Курицын много лестного наговорил царю о содействии Хози, о живом впечатлении о нем и просил Ивана щедро отблагодарить еврея. Но Хозя Кокос так и не смог приехать в Белокаменную. Дружба и сотрудничество еврейского купца и царя, продолжавшиеся в течение всей их жизни, так и не увенчались встречей...

Последней акцией бескорыстной помощи Хози Кокоса Ивану III было возвращение православных святынь, захваченных Менгли-Гиреем в Киево-Печерском монастыре. Кокос выкупил тогда все награбленные ханом православные ценности и отправил в Москву царю. При этом Хозя и не ждал благодарности: воспитанный Торой на уважении к святым местам и святыням своей религии, он просто совершил акт восстановления справедливости по отношению к другой вере.

В 1502 году государь Всея Руси Иван Васильевич торжествовал полную победу: крымский хан Менгли-Гирей полностью уничтожил Золотую Орду и стер с лица земли ее столицу Сарай. Еврей Кокос уже не смог порадоваться этому вместе с Московским князем: за год до

сего события он умер в Каффе. Ненадолго пережил его и сам Иван Васильевич. Причудливая судьба связала на всю жизнь этих двух никогда не встретившихся людей и подарила им верную дружбу...

Оклеветанный эскулап Мистро Леон

До нас дошел исполненный драматизма исторический эпизод. Наследник русского престола, первородный сын и соправитель великого князя Московского Ивана III Иван Молодой (1458–1490), однажды занедужил. Прогрессирующая его болезнь вызывала у всех тем большую тревогу, что слыл Иван Молодой человеком пылким и мужественным, да при том смелым и решительным полководцем, за служившим подлинно всенародную любовь. Стали искать врачевателя. Вспомнили, что незадолго до этого, по инициативе второй жены великого князя, племянницы византийского императора Софьи Палеолог, из Италии было снаряжено в Белокаменную специальное представительство, где в числе мастеров и художников значился молодой «лекарь Жидовин Мистро Леон из Венеции». То был один из первых визитов в Московию иноземного эскулапа еврейского происхождения. Известно, что в Средние века (вплоть до XVI столетия) медицинская наука в Европе находилась преимущественно в руках семитов, а почти каждый еврейский богослов был одновременно и искусным медиком.

Этому-то «жидовину» князь Московский и поручил лечение наследника престола, который, как было объявлено, болел «камчугою» (то есть подагрой, ревматизмом) в ногах. «И видел лекарь жидовин Мистр Леон, – рассказывает летописец, – похваляясь, рек великому князю Ивану Васильевичу, отцу: я вылечю сына твоего, великого князя, от сей болезни, а не вылечю его яз, и ты вели меня смертью казнити; и князь великий Иван Васильевич иняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лекарь лечити, зелие пити даде ему, наче жечи стеклянницами [банками. – Л. Б.] по телу, вливал воду горячую». Лечение врачевателя оказалось, однако, безуспешным, и 7 марта 1490 года наследник престола испустил дух. Злополучной оказалась судьба и самого еврейского эскулапа: после сорочин (сорока дней) со смерти Ивана Молодого Леона свезли на Болвановку что в Москве, на берегу Яузы, и при огромном стечении народа отрубили ему голову...

В поисках сведений о Леоне я набрел в Интернете на сайт с броским и, казалось бы, весьма благостным названием «Слова в дни памяти особо чтимых святых». И вдруг в разделе об Иване Молодом встретилось утверждение поистине ошеломляющее: от подагры и ревматизма ног не умирают, а потому сын великого князя отправился на тот свет из-за какого-то снадобья, которым его якобы пичкал сей врач-вредитель. Отсюда следовал вывод: Леон был «фанатиком-иудаистом, ценой своей жизни осуществившим антирусскую диверсию».

Подобной, с позволения сказать, бредовой версии о еврее-камикадзе не выдвигали даже историки и литераторы прошлого, в юдофильстве отнюдь не запримеченные. О лекаре-жидовине неизменно говорили лишь как о самонадеянном шарлатане, не вызывающем к себе ни малейшего сочувствия; казнь же его стала в глазах окружающих закономерным следствием непростительной медицинской ошибки. А в непогрешимость медицины тогда верили и в неуспехе лечения винили только «неискусного» доктора. «В сем для нас жестоким деле, – говорит о расправе над евреем Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», – народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул государя и сам себя обрек на казнь». А известный своей юдофобией писатель И. И. Лажечников также о яде ни полсловом не обмолвился. Он только говорит: «Этот мейстер лечил и залечил Иоанна младого и за то казнен всенародно... Об этом никто не жалел: поделом была вору мука!»

В разглагольствованиях же об отравлении Ивана Молодого есть рациональное зерно. Только осуществление этого адского замысла приписывается не тому лицу. Об этом прямо пишет Ивану Грозному весьма осведомленный в российской истории князь А. М. Курбский,

свидетельствуя, что «предобрый Иоанн», «наимужественнейший и преславный в богатырских исправлениях», был отравлен «смертоносным ядом» своей мачехой Софьей Палеолог. Показательно, что именно эту версию отравления наследника престола повторили и авторитетнейшие российские историки В. В. Савва и Г. В. Вернадский.

И в самом деле, достаточно лишь слегка соприкоснуться с московской придворной жизнью конца XV века, чтобы углядеть подковерную династическую борьбу за престол, в коей весьма преуспела Софья Палеолог, родившая Ивану III десятерых детей. Даже апологеты византийской царевны признают ее особую, воистину инквизиторскую изощренность в хитроумных каверзах. Оно и понятно: ведь и росла она, по словам писателя, «в сетях интриг, в тумане коварных заговоров, где опасен каждый стакан душистого питья, где каждую минуту возможен удар в спину стального стилета, выхваченного из узкого рукава!» И далее: «Борьба за власть в тени трона была привычной стихией византийцев, они хорошо знали все ее хитрые приемы и обычаи, они в ней никого не щадили». О неумной активности Софьи свидетельствует и историк Н. Л. Пушкарева: «С начала 80-х годов XV века не было в Московском княжестве почти ни одного крупного события или конфликта, в котором не была бы замешана Софья Фоминична».

Писатель Вс. Н. Иванов прямо говорит о постоянной опасности для Ивана Молодого, исходившей от Софьи. И действительно, между ней и пасынком существовала явная и стойкая неприязнь. Особенно возмущало Молодого то, что Палеолог корысти ради запускала руки в великокняжескую казну. Известно, например, что бесценные фамильные драгоценности покойной матери Молодого, княжны Марии Борисовны Тверской, мачеха тайно переправила за границу своей племяннице-итальянке, чем вызвала резкое негодование царевича (ведь эти сокровища предназначались князем Московским для жены его сына Елены). Историки сходятся на том, что если бы Иван III умер до 1490 года и к власти пришел Иван Молодой, следы Софии Палеолог затерялись бы в каком-нибудь забытом Богом монастыре, а внуку ее вряд ли было бы суждено стать Иваном IV, легендарным Иваном Грозным. Факты упрямо свидетельствуют о том, что именно Софья, страстно желавшая передачи трона своему сыну Василию (будущему Василию III), была кровно заинтересована в устранении постылого пасынка, что и произошло в реальности с ее помощью.

Князь А. М. Курбский назвал Софью Палеолог «греческой колдуньей», «злой» женой и наипервейшей «чародейницей». В русском же фольклоре колдовство и чародейство неизменно ассоциируются с всякими снадобьями и ядами. Нелишне заметить, что ломота и немение ног (от чего страдал покойный Иван) могли быть и симптомом отравления змеиными ядами. Софья же родилась и выросла в краях, где прекрасно знали свойства змеиных ядов. Так что вполне возможно, что царевича по указке Софьи могли «опоить», подмешав яд в пишу.

Не исключено, что наследник престола мог быть отравлен и экстрактом аконита. Известно, что еще древние галлы и германцы натирали им наконечники стрел и копий, предназначенных для охоты на волков. Одно только хранение аконита в некоторых странах каралось смертью. В Греции, откуда происходила София, яд сей применялся для казни преступников, наравне с цикутой. В России с древних времен росло 75 видов аконита, и он, несомненно, был хорошо известен в XV веке. А одним из симптомов отравления аконитом и является ломота в ногах.

Но вернемся к Мистро Леону. Результаты его врачевания всецело зависели от правильно поставленного диагноза. Скажем, при подагре алкоголь полностью исключен, так как он провоцирует приступы боли. При отравлении же змеиным ядом он – одно из эффективных противоядий, которое следует принимать в больших количествах. При отравлении травой алкоголь бесполезен, а при отравлении грибами только ускоряет всасывание яда и

т. п. При неправильно поставленном диагнозе прописанное врачом лечение идет во вред больному. Так, по-видимому, и произошло в нашем случае.

Венчание Ивана III с Софьей Палеолог в 1472 г. Гравюра XIX в.

Софья Палеолог. Реконструкция

Несомненно, молодой медик сам стал жертвой заговора, орудием изощренного убийства, и на него, еврея, списали гибель российского наследника. Не подозревая того, что Иван мог быть злодейски отравлен, Леон лечил его именно от «камчуги» (подагры), от которой, как он знал, не умирают. Потому-то не было в его словах никакого самохвальства, когда он ручался Ивану III за жизнь и исцеление его сына. К тому, чтобы диагноз Леона оказался неверным, приложила руку все та же Софья, сделавшая все, чтобы врач, не подозревавший о возможности отравления, не разобрался в ситуации. Сам факт, что эскулап был привезен из-за границы, говорит о том, что Ивана отравили чем-то местным, специфическим, не знакомым Леону, тем, что в Италии не растет и не ползает. Единственно, на что можно посетовать, – это, что медик не посоветовался с местными русскими знахарями и ворожеями (уж они-то могли подсказать противоядие!), но те «медицинских академиев» не кончали, а потому вряд ли пользовались при дворе каким-то весом. Да и при языковом и культурном барьере между ними и Леоном такое было тогда едва ли мыслимым.

Тронное кресло московских государей XV – XVI веков

Изображение семьи Ивана III на шитой пелене того времени

В пользу версии о непосредственной причастности Софьи Палеолог к устранению претендента на русский трон говорит и логика ее поведения по отношению к сыну Ивана Молодого, Дмитрию, который после смерти отца официально был объявлен наследником престола. По наущению Софьи его также пытались отравить. По счастью, это не удалось: меры безопасности в Кремле были тогда усилены, и знахарки, доставлявшие яды Софье, были схвачены и утоплены в Москве-реке. Но что не смог сделать яд – сделала ловкая византийская интриганка. В одночасье Дмитрий со своей матерью Еленой Волошанкой оказались в тюрьме, а сын византийки, Василий, вдруг стал соправителем отца и наследником престола.

Л. Поляков в своей книге «История антисемитизма» утверждает, что расправа над Леоном способствовала развитию юдофобии и сыграла свою роль в дальнейшем ограничении доступа евреев в Россию. Однако думается, никакой специфически антисемитской подоплеки здесь не было. Достаточно сказать, что за пять лет до истории с Леоном за неудачное

лечение знатной особы был казнен другой доктор, к евреям никакого отношения не имевший. «Таковую же участь, – сообщает Н. М. Карамзин, – имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарствами уморив князя татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом». Кроме того, историки отмечают исключительную веротерпимость Ивана III, который, по словам того же Г. В. Вернадского, «отличался доброжелательным отношением к иудеям».

Интересно, что в русских народных сказках, собранных А. Н. Афанасьевым, имеются сюжеты об Иване-царевиче, который так же, как Иван Молодой, смел в бою, женился на Елене Прекрасной, боролся с расхитителями царской казны и тоже умер в результате отравления. Фигурирует там и некая Сонька-Богатырка, коей приписывается знание ядов и противоядий, хранение в пузырьках живой и мертвой воды. Не намек ли это на Софью Палеолог? Если наши предположения верны, пусть же народная мудрость послужит уроком не только добрым, но и не добрым (к евреям!) молодцам, выдающим себя за истинных радeteлей России.

Многогранный алмаз Алмаз Иванов

Московии уже в XVII веке существовал тип крещеного еврея, который не просто ассимилировался к тогдашним условиям, но своим патриотизмом и неутомимой жизнедеятельностью на благо державы мог поспорить с иным природным русаком. Речь пойдет здесь о человеке по прозвищу Алмаз, с парадоксальной для еврея фамилией Иванов, начинавшем свою профессиональную карьеру как московский купец.

«Многие из [русского] купечества довольно похожи на жидов», – писал в середине XVII века в своей книге «Описание путешествия в Московию» секретарь голштинского посольства при царе Михаиле Федоровиче Адам Олеарий. Не вполне понятно, что имел здесь в виду заезжий иноземец. Может быть, речь идет о сходстве чисто внешнем, и окладистые бороды русских торговцев напомнили ему ветхозаветные, иудейские? Или же Олеарий обнаружил в москвитях ту же оборотистость и предприимчивость, кои традиционно ассоциируются с представителями еврейского племени? Кто знает...

Алмаз Иванов (ум. 1669) счастливым образом соединял в себе оба эти свойства. Во всем его внешнем облике явственно угадывались семитские черты: черная с курчавинкой борода, выющиеся волосы, крупные черты лица, характерный нос. Случайно ли это? Обратимся к родословной Иванова. Интересно, что его никто никогда не величал по имени и отчеству. «Самое [его] имя, – объясняет современник, – показывает, что этот человек из самого низкого состояния, потому москвитяне в подписях и разговорах прибавляют к своему собственному имени еще и отцовское, с тою, однако ж, разницею, что знатные придают к этому последнему окончание «вич», а незнатные этого не позволяют». Достоверно известно, что Алмаз происходил из семьи вологодского торговца, посадского человека. Как установили историки М. И. Семеvский и Н. П. Загоскин, Алмаз был этническим евреем, что подтверждает и современный израильский исследователь С. Ю. Дудаков, отметивший, что еврейское происхождение Иванова сомнений не вызывает. В то же время он исповедовал православие и в крещении был наречен Ерофеем, впрочем, его предпочитали называть Алмазом даже в официальных документах.

Царь Алексей Михайлович

Этимология имени «Алмаз» восходит не к евреям, а к приволжским татарам, на языке которых «Алмас» примерно соответствует понятию: «Не тронет, не возьмет чужого». Трудно сказать, насколько отвечает это прозвище натуре нашего Алмаза, но можно утверждать со всей определенностью, что воровство (этот извечный бич российской жизни!) не было ему свойственно: Иванов не «корыстовался» чужим.

Природа наградила его блестящими способностями финансиста: в этом он пошел по стопам своего предприимчивого отца, от которого унаследовал и купеческое ремесло, и деловую жилку. В то же время Алмаза отличали обходительность, общительность и какая-то особая, бьющая в глаза светскость, столь редкая среди москвитов XVII века.

Сызмальства он проявил интерес к торговле и, как отмечают очевидцы, занимался ею весьма успешно. Неизвестно, какими товарами торговал Иванов (говорили, что тканями), но видно, что дело у него спорилось, и в составе купеческих караванов и торговых судов Алмаз немало поколесил по свету. Между прочим, он выучил в чужих краях турецкий и персидский языки, на которых говорил вполне свободно.

В России имя нашего героя впервые упоминается в 1626 году. В переписной книге Москвы он числится владельцем недвижимости в Китай-городе, а именно в тупике Воскресенского переулка. То были палаты каменные, которые он, вопреки пословице, нажил трудами праведными. Отличали строение высокие «голландские щипцы», заметно выделяв-

шиеся на фоне окружающих домишек. Алмаз Иванов значится человеком так называемой «гостиной сотни», которая являла тогда собой привилегированную корпорацию торговых предпринимателей страны. За получаемые «сотней» льготы ее представители обязаны были нести государственную службу в сфере торговли и финансов, и Иванов не стал здесь исключением.

Он продолжает заниматься торговлей, но постепенно все более и более втягивается в серьезную деятельность на благо Отечества. Поначалу Алмаз выполняет разовые поручения царских вельмож. В 1626 году он пополнил государственную казну так называемыми «кабацкими деньгами» (доходами от кабаков, которые он собрал самолично), за что был пожалован дорогими мехами, а в 1638 году мы видим его таможенным и кабацким головою на Двине, коему было велено «торговых людей и их суды и товары ведати».

По-видимому, Ивановым были весьма довольны, и в 1639 году, еще при царе Михаиле Федоровиче, он прекращает частное предпринимательство и целиком сосредоточивается на государственной службе, проявляя и усердие, и многочисленные таланты. Зная толк в дорогих товарах, умея их оценивать и вести точный учет, Алмаз оказался востребован правительством и был назначен дьяком Казенного приказа. Приказ же тот ведал производством и хранением ценностей царской казны. В прямые обязанности новоиспеченного дьяка входил подбор платьев, драгоценностей, символов царской власти для различных церемоний, в том числе дипломатических. Властям особенно импонировала его удивительная честность и неподкупность. Он участвовал в отборе подарков, вручавшихся знатным иностранцам, контролировал ведение специальных книг посольских расходов. Так Иванов приобщался к дипломатической практике.

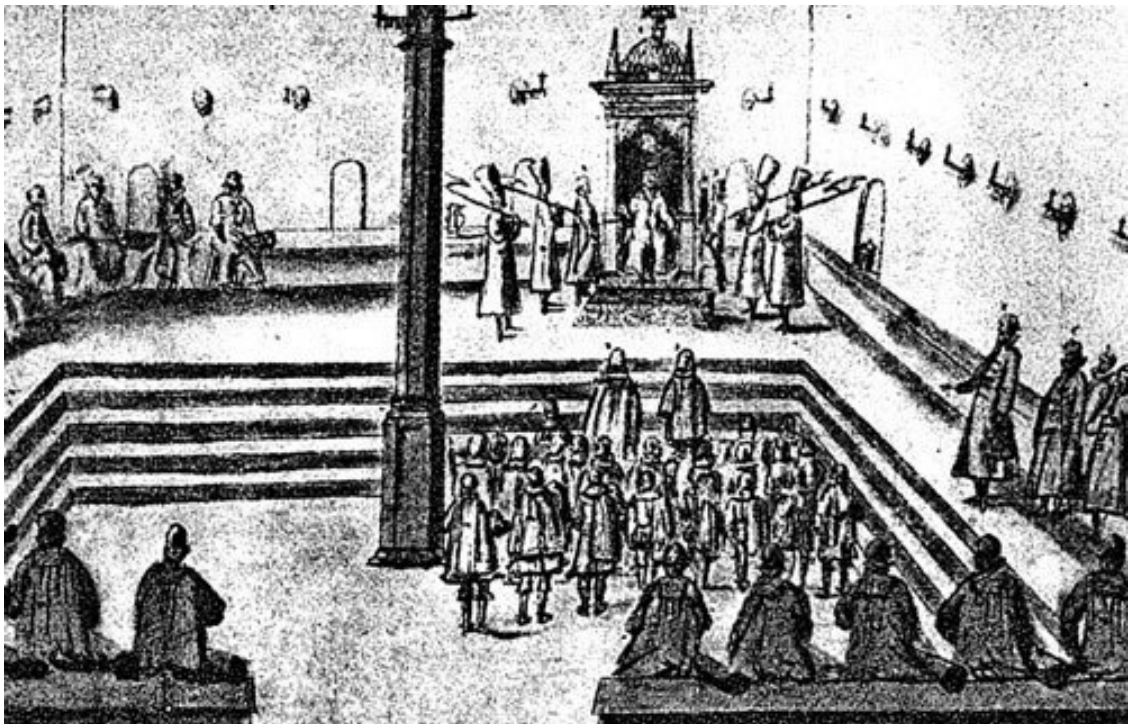
Олеарий А. Описание путешествия в Московию. 1656 г. Титульный лист

В этой связи переход в 1646 году Алмаза Иванова из Казенного в Посольский приказ оказался и закономерным, и органичным. «А ведомы [в нем] дела всех окрестных государств, – говорит о Посольском приказе XVII века подьячий Г. К. Котошихин, – и послов чужеземских принимают и отпуск им бывает; также и Руских послов и посланников и гонцов посылают в какое государство получится... Да в том же Приказе ведомы Московские и приезжие иноземцы всех государств, торговые и всяких чинов люди: и судят торговых иноземцев, и росправу им чинят Рускими людьми». Иванов сразу же включается в работу и по существу исполняет обязанности заместителя главы Приказа. Уже в ноябре 1646 года ему доверено вести переговоры с польским послом Юрием Иличем, в октябре 1647 года – с другими эмиссарами из Речи Посполитой, в июле 1648 года – с голландским послом Конрадом Бугом, в июле 1648 года – со шведским резидентом Карлом Помереннингом и т. д.

Посольский двор в Москве. XVII век

В 1649 году Иванов был включен в состав дипмиссии в Стокгольме, в ходе которой был решен затянувшийся вопрос о перебежчиках. Рвение нашего героя было оценено царем: за «свейскую посольскую службу» он был пожалован землей и деньгами.

Прием в Кремле 27 мая 1661 года. Первый в группе стоящих бояр с шапкой в руке – Алмаз Иванов

Сторонник антипольского политического курса, Алмаз в 1650-е годы целиком озабочен отношениями России с Речью Посполитой. В 1651 году он отправляется в Краков, где присутствует на заседаниях сейма. Там по требованию московских властей он обсуждает вопрос об оскорблении поляками его пресветлого царского величества (так расценивалось тогда неточное написание в документах титула российского самодержца). Русские настойчиво требовали для провинившихся смертной казни. От польского же короля они добивались компенсации морального ущерба, нанесенного русскому царю. В этом им было категорически отказано, но в Москве и не ждали другого исхода переговоров. Отрицательные результаты давали русским формальный повод для разрыва с польскими панями, что и произошло.

В апреле 1653 года Иванов снова в Польше. Формальной задачей посольства было обсуждение перемирия Речи Посполитой с казаками гетмана Богдана Хмельницкого, желавшего воссоединения с Россией, что априори было обречено на провал. На самом же деле послы выводили, насколько поляки были готовы к войне с Россией, и воочию убедились в нестабильности и слабости своего потенциального противника. Вернувшись в Москву, Алмаз был особенно обласкан царем. Он получил недвижимое в Ростовском, Московском и Нижегородском уездах. Его сразу же возводят в чин думного дьяка и назначают главой Посольского приказа. Это был, между прочим, первый случай в российской истории, когда этнический еврей стал главой всего дипломатического ведомства державы (напомним, что впоследствии, уже в советской России, наркомы иностранных дел также будут евреями Л. Д. Троцкий и М. М. Литвинов). Вояжи в Речь Посполитую наш думный дьяк совершал еще и в 1658, 1660, 1662 и 1666 годах. В результате его усилий за Россией осталась территория, завоеванная у Польши до 1658 года.

Как об этом точно сказал посол Священной Римской империи барон А. Мейерберг, «при исполнении многих посольств [Алмаз] столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом царства, за иностранными послами и докладчика их посольств».

Алмаз прослыл тонким знатоком русского дипломатического искусства и придворного этикета, заведенных в Московии еще с незапамятных времен. На многих аудиенциях монарха, данных иноземным послам, Иванов неизменно представлял, выполняя по существу обязанности церемониймейстера. Из XVII века до нас дошли детальные описания таких церемоний, где дьяк играл если не главную, то весьма заметную роль. Особую ценность представляет сделанная с натуры рисовальщиком И. Р. Сторном иллюстрация приема, данного его царским величеством Алексеем Михайловичем 27 мая 1661 года римским посланникам. На сей гравюре дьяк предстает высоким, статным и еще нестарым мужчиной. Он, облачившись в длинный кафтан с высоким воротником, стоит во главе колонны и представляет царю послов, указывая правой рукой в их сторону. В левой же руке у него – большая соболья шапка.

Показательно, что и в российскую словесность Алмаз вошел именно как опытный переговорщик и мастер дипломатического церемониала. Вот какую сцену приводит литератор XIX века Д. Л. Мордовцев в своей исторической повести «За чьи грехи?». Писатель рассказывает о приеме при дворе запорожцев гетмана Брюховецкого: «Посланцы вступили в [царскую] переднюю, а из нее введены были в столовую избу пред лицо государя. Их встретил думный дьяк Алмаз Иванов... Посланцы низко поклонились и двумя пальцами правых рук дотронулись до полу. Это они ударили челом великому государю, по этикету. Но все молчали. Тогда выступил Алмаз Иванов и, обратясь к лицу государя, громко возгласил: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель! Запорожского гетмана... посланцы... вам, великому государю, челом ударили и на вашем государском жалованье челом бьют!» Посланцы

снова ударили челом... Царь, сидевший до этого времени неподвижно в своем золотном одеянии, словно икона в золотной ризе, повернул лицо к Алмазу Иванову и тихо проговорил: «Сказывай наше государское слово». И дьяк возгласил заранее приготовленную и одобренную царем и боярами речь... Проговорив это, Алмаз Иванов, по знаку царя, приблизился к «тишайшему» и взял из рук его грамоту, и тут же передал ее главному гетманскому посланцу, который, почтительно поцеловав ее и печать на ней, бережно уложил в свою объемистую шапку. Затем дьяк, опять-таки по знаку царя, обратился снова к послам: «...Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, жалует вас, посланцев гетмана и всего войска запорожского, к руке!»

Трудно переоценить роль Иванова в решении украинского вопроса. В Золотой палате Кремля он торжественно принимал депутацию Богдана Хмельницкого. В документе той поры читаем: «И указал государь думному посольскому дьяку Алмазу Иванову посланникам объявить свое государево жалованье, что гетмана Богдана Хмельницкого и войско Запорожское пожаловал, велел их принять под свою государеву высокую руку». Что должен был испытывать еврей Алмаз, когда привечал погромщика Хмельницкого, на чьих руках была кровь десятков тысяч его соплеменников? Об этом история умалчивает...

В 1653 году востребованными оказались и коммерческие способности бывшего купца Иванова. Под его руководством был разработан и введен новый Торговый устав, заменивший многочисленные российские таможенные сборы единой рублевой пошлиной (5 копеек с рубля).

Начавшаяся в 1654 году война с Польшей застала думного дьяка в Москве, где свирепствовало моровое поветрие. По некоторым данным, чума унесла 70 тысяч жизней. В этих тяжелейших условиях Алмазу вместе с двумя боярами было доверено управление столицей. Им приходилось принимать меры против грабежей, заниматься устройством застав, руководить тушением пожаров, организовывать охрану города. В октябре 1654 года спасавшаяся от чумы царица Мария Ильинична писала из дальних мест в Первопрестольную: «На Москве ль или с Москвы куды съехали, или померли...?» Ответил ей сам Иванов: «И околничей князь... и я, холоп твой, Алмазко, были на Москве, никуды с Москвы не съезжали». «Холоп твой, Алмазка!» – что сокрыто в этой уничижительной подписи? Хотя в обращении к царю и царице слово «холоп» было общепринятым в ту эпоху, но для Иванова оно обретало свой, особый смысл. Вручив себя и свою жизнь государю, он не требовал для себя никаких льгот, кроме права вновь бескорыстно и самозабвенно служить Отчизне. Это, однако, вовсе не означает, что он был обезличен царем. Алмаз всегда сохранял чувство собственного достоинства.

Это России он посвятил и собственную жизнь, и дарованные ему Богом таланты крупного дипломата, финансиста и администратора... Писатель Д. А. Жуков в повести «Аввакум» называет его в числе подданных «новых, сильных и жестоких» и в то же время бесконечно «царю преданных».

Иванов неукоснительно выполнял любые поручения монарха. Одновременно он числится и дьяком приказа Новгородской четверти, находившегося в подчинении Посольского приказа. В его непосредственные обязанности входит также сбор денежных доходов в государственную казну с городов: Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда и т. д. Дьяк, в частности, велел в 1648 году перевести казаков Новгородского уезда, служивших за хлебное и денежное жалованье, на земельное обеспечение. Он также организовал зачисление служивших в России иноземцев незнатного происхождения в стрельцы, а более родовитых – в казаки.

В 1654–1668 годах он управляет и Печатным приказом, занимая с 1667 года ответственнейшую должность печатника. В историческом документе тех лет печатник определен так:

«Он всегда нашего царского величества имеет на вые своей печать и дозируя печатает наши государские грамоты, чтобы в них не было ничего противно нашим царским законам».

Мы уже упомянули о том, что, несмотря на свои еврейские корни, Алмаз был крещен и исповедовал православие. От подобных «перекрестов» предостерегал царя Алексея Михайловича известный панславист и антизападник хорват Юрий Крижанич: «Русское царство, – писал он, – принимает всякого желающего и даже уговаривает, просит, принуждает и заставляет многих... креститься, и тех людей, которые крестятся ради плотского блага, а не ради спасения, принимает в свой народ и сажает на высокие места. Одни [из них] вершат наши важнейшие дела, другие заключают с иными народами мирные договоры и торговые сделки». Но применительно к Иванову это опасение было неосновательным в силу его ревностной приверженности царю и православию. Он стал даже более набожен, чем русские иноки XVII века. И сыновей своих, Семена и Дмитрия, он воспитал в любви к Отчизне. Они оба пошли по стопам отца: первый сделал дипломатическую карьеру, второй стал дьяком в Москве.

«Алмаз Иванов был богомольнее других русских послов, – сообщает писатель С. П. Злобин, – чаще ходил в церковь и несколько раз говорил с попом». Под пером Злобина и поп, в свою очередь, почитает еврея за своего, родного, и обращает к нему патетические слова: «Сил нет больше жить под латинской властью. Только о том и молю Бога, чтобы послал одоление русской державе в битвах меча и в битвах посольской мудрости!» – «Одолеем, батюшка, одолеем!» – успокаивает его Алмаз.

Богомольность думного дьяка подтверждают и его многочисленные вклады в монастыри (в основном это были книжные пожертвования). Но, что еще более важно, этому еврею было не только позволено, но и вменено в обязанность: нет, не вступать – врываться в самые заповедные области русской церковной жизни. В 1659 году он участвует в важнейших для судьбы православия на Руси прениях с низложенным патриархом Никоном. Любопытно и то, что дьяк был уполномочен царем вести такое тонкое и деликатное дело, как переговоры с поляками об отмене Зборовской унии между католиками и православными, что потребовало от него недюжинных богословских познаний. И разве не удивительно, что царь, желая подчинить церковников своей судебной-гражданской власти, именно Алмаза назначил главой Монастырского приказа!? Ему было поручено чинить «суд во всяких истцовых исках на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей, на монастыри и т. д». Так еврей-«перекрест» вершил судьбы всего православного клира России.

Олеарий так характеризует Алмаза Иванова: «Человек тонкий, способный, одаренный ясным умом и твердой памятью». Он служил России и именно верой в нее был крепок, аки алмаз. Тем самым он словно привносит в данное ему людьми прозвание новое значение. И этот алмаз в лучах российской славы сияет и переливается всеми своими гранями, что и в наши дни делает его столь же пленительным и притягательным. Очень точно сказал о нем историк русской геральдики А. Б. Лакиер: «История наша пока молчит об Алмазе Иванове... и других думных дьяках, которые, тем не менее, так успешно окончили не одну войну выгодным для России миром, сделали не одно улучшение в законодательстве и во внутреннем управлении Отечества нашего. Настанет время, когда Россия с гордостью укажет на этих дельцов...»

Дело врача Даниил фон Гаден

15 мая 1682 года приняли мученическую смерть многие сторонники десятилетнего царевича Петра. Произошло это в результате кровавого стрелецкого бунта, инициатором и вдохновителем которого стала сводная сестра Петра, Софья Алексеевна. Амбициозная и искушенная в интригах царица не пожелала мириться с тем, что Петр, сын ее новоиспеченной мачехи Натальи Нарышкиной, был накануне избран российским самодержцем. В царица прочила своего единоутробного брата Ивана, страдавшего врожденным слабоумием. При нем-то да при мальчишке Петре Софье и мечталось стать всемогущей регентшей, самостоятельной правительницей державы.

По указке царицы, людей Нарышкиных хватали и бросали на поставленные копья и бердыши. Тела несчастных буквально рвали на части и, обезображенных и изрубленных, волокли по грязи на Красную площадь, выставляли на всеобщее позорище. Одной из первых жертв бунтовщиков стал бывший ближний боярин «тишайшего» царя Алексея Михайловича, Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682), в доме которого воспитывалась до замужества Наталья Нарышкина. Открыто покровительствуя Петру, Матвеев давно уже был костью в горле партии Софьи. Потому в 1676 году, сразу же после кончины «тишайшего», когда на престол взошел старший сын царя, Федор Алексеевич, боярина Артамона незамедлительно упекли в северную глухомань – Пустозерск. Ему инкриминировали колдовство и чернокнижие. В Первопрестольную он вернулся только тогда, когда Федор почил в бозе, а партия Нарышкиных восторжествовала. При избранном на царство отроке Петре именно ему, Матвееву, надлежало стать главной опорой нового правительства. Но история распорядилась иначе...

А. С. Матвеев

Досталось тогда всем людям, близким к Матвееву. Не миновала злая судьба и его друга и соратника Даниила фон Гадена. Даниилом именовали царского придворного доктора Стефана фон Гадена, или, как его еще величали на русский манер, Даниил Жидовин или Степан Фунгаданов. Этнический еврей, служивший русскому царю с 1656 года, он постепенно сделался самым популярным врачом в Москве. При Федоре Алексеевиче ему было доверено «ходить только к хоромам – к благоверной государыне царице и великой княгине Наталье Кирилловне и благоверным государям цесаревичам и к благоверным государыням цесаревнам – к большим и меньшим».

Что же объединило Артамона Матвеева и Даниила Гадена, ставших в те роковые дни жертвами разъяренных стрельцов? Дружеские отношения между боярином и лекарем завязались вскоре после того, как Гаден волею судеб оказался в перешедшей под российский скипетр Малороссии.

К тому времени сей эскулап прожил насыщенную, богатую внешними событиями жизнь и вполне сформировался как искусный мастер своего дела. Интерес к естественным наукам Стефану привил отец, «доктур Итальянские земли жидовские веры». Судьба, однако, занесла семью в Бреславль, что в прусской Силезии, где и родился наш герой. Науке врачевания он обучался уже в Польше, поначалу в городке Каратышине, а потом во Львове и, как видно, получил о сем надлежащий диплом (ибо в документах Аптекарского приказа именовался «бакалавром медицины»). Юноша отличался честолюбием и со свойственной ему изворотливостью устранял любые маломальские препятствия на пути к своей карьере: в Бреславле, где большинство населения исповедовало лютеранство, он становится лютеранином; оказавшись же в католической Польше, – принимает католицизм.

Стрелецкий бунт 15 мая 1682 года. Миниатюра XVIII века

Впрочем, его дорога к успеху была неровной и извилистой. Он определяется врачом к великому польскому гетману Николаю Потоцкому, но армия поляков терпит поражение, и Даниил попадает в татарский плен в Крыму. Там его продают в рабство османам в Константинополь, откуда он бежит с помощью одного еврейского купца. Минуя Валахию, он оказывается в Каменец-Подольском, где лечит поляков, сражавшихся с казаками под водительством сына гетмана Богдана Хмельницкого, Тимофея. Жительствуя некоторое время в городах Дрожиполе, Шаргороде и Сатанове (где он, между прочим, женился), Гаден, наконец, решает поселиться в живописном Черткове, близ Тернополя, где также практикует медицину. Там-то и настигли его в 1656 году русские, взявшие Чертков штурмом. Даниил попадает в Киев, в полк воеводы В. В. Бутурлина, и столь же ревностно, как он лечил поля-

ков, врачует украинцев и великороссов. «И лечил государевых ратных людей, – вспоминал он впоследствии, – а излечил государевых ратных людей сто двадцать пять человек».

Бутурлин был самым тесным образом связан с боярином А. С. Матвеевым, бывшим одно время начальником Малороссийского приказа. Оба они входили в состав «великого посольства» в Польшу в 1654 году; царь поручил им содействовать тому, чтобы «принять под свою государеву высокую руку» новоприсоединенную Малороссию. И украинский народ героизировал этих двух русских, называя их «батьками», «добродеями», «милости государственной неотступными просителями». Матвеев был частым гостем у Бутурлина, а потому трудно предположить, что он мог не знать о находившемся при воеводе полковом лекаре. И не Матвеев ли способствовал тому, чтобы Гадена перевели на службу в Москву?

Даниил был принят в Аптекарский приказ – образованное в 1620 году учреждение, ведавшее управлением всей врачебной деятельностью державы. В подчинении сего приказа находились аптеки, аптекарские сады и огороды; тут производился подбор квалифицированных специалистов; имелась военно-медицинская служба. К концу XVII века в штате его числилось 100 человек: 82 медика, 6 докторов, 4 аптекаря, 3 алхимиста, а также ученики лекарского и костоправного дела, подьячие и толмачи. Гаден же занял поначалу скромную должность цирюльника [фельдшера. —Л. Б.], в Московской Руси иностранные дипломы не признавались, так что карьере пришлось начинать наново.

Здание Аптекарского приказа

Благодаря уму и таланту Даниил добился того, что стал пользоваться большою доверенностью царя. Но на это ушли долгие годы. В 1659 году он становится лекарем, лишь в 1667 году удостоен чина «поддоктора» и только в марте 1672 года получает звание доктора – самое высокое в медицинской иерархии страны. Мало того (случай в Московии беспрецедентный!), он получает от царя жалованную грамоту с перечислением его профессиональных заслуг. Здесь, в частности, говорится, что он, Стефан Гаден, «в дохтурском и во всяком лекарственном учении достаточно навывчен и дохтурской чести достоин, и во всем человек потребный». Особо же отмечается его «тщательство», «радение» и «верная служба».

Не обошлось, правда, без компромиссов. Как иначе расценить тот факт, что в Московии наш герой вдруг принимает православие? Видно, этим шагом он сильно потратил русскому царю. Один только перечень подарков, полученных им от Алексея Михайловича по сему случаю, занял бы несколько страниц печатного текста. В числе прочего – золото, серебро, дорогие меха, шелка, бархат и т. д. Впрочем, историк И. Берхин полагает, что при-

нятие Гаденом греческой веры было «только внешним, каковые примеры нередки в средневековой еврейской истории».

Стрелец

Но не будем корить Гадена за отступничество, ибо, добившись привилегированного положения, он всегда использовал его во благо еврейству. Хотя он и окропил себя святой водой, но не переставал заботиться о своих некрещеных соплеменниках. «Жиды с недавнего времени, – свидетельствовал английский врач С. Коллинс, – очень размножились в городе и при Дворе: им покровительствует лекарь-жид (почитаемый за лютеранского перекреста)». Это очень точное слово – «покровительствует»! Действительно, этот «перекрест» принимал под свой кров не только родственников, но и иудеев, едва ему знакомых. Они часто гостили в его доме, и доктор добивался, чтобы при отъезде им давались казенные подводы и подарки – соболями и деньгами. Способствовал он и тому, чтобы, несмотря на все строгости тогдаш-

них законов, еврейские купцы приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссию от двора. В результате число иудеев в Первопрестольной существенно увеличилось. Пребывание евреев в Московии стало тогда столь обычным явлением, что «Новоуказные статьи» 1669 года, устанавливая казни за соращение христиан в другую религию, упоминают особо о евреях: «аще жидовин или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней; а аще жидовин христианина раба имый и обрежет его, да отсекут ему голову». Нелишне будет заметить, что при царском дворе вместе с Гаденом благоденствовали тогда и другие крещеные евреи. Среди них – думный дьяк Алмаз Иванов, четырнадцать лет возглавлявший дипломатическое ведомство страны – Посольский приказ; русский посол в Кахетии В. С. Жидовин; приказной дьяк Василий Юдин; начальник московских стрельцов (должность, по современным понятиям, выше командующего Московским военным округом!) Иван Васильевич Жидовин и др.

Как мы уже отмечали, влияние еврейского медика при дворе Алексея Михайловича во многом зависело от всесильного тогда Артамона Матвеева, который в 1672–1676 годах возглавлял Аптекарский приказ. С этим энциклопедически образованным боярином, которого называли «рыцарем XVII века», они были не только коллегами, но и короткими приятелями. И жительствоваали они в Москве неподалеку: Гаден – на Покровке, в Белом каменном городе, а Матвеев – там, где находится сейчас Армянский переулок (тогда в честь своего хозяина он носил имя Артамоновский).

Доктор часто бывал в палатах у своего патрона, где царил столь притягательная атмосфера непринужденности и свободы. Там было чему подивиться не только русским, но и выдавшим виды иноземцам! Изысканный потолок приемной залы был искусно расписан пасторальными пейзажами, комнаты утопали в зеркалах, на стенах висели старинные немецкие картины, мерно и гулко тикали заморские часы с различным исчислением времени. Друзья часто уединялись в библиотеке, где вели долгие беседы не только о делах насущных, но и, как говаривал Матвеев, «ради душевные пользы». Книгохранилище же Артамона Сергеевича, библиофила и полиглота, было одним из лучших в Московии. Здесь наличествовали издания и рукописные книги не только на русском, но и на латинском, польском, немецком, французском, английском, итальянском, испанском, датском и чешском языках. Хотя в библиотеке преобладали сочинения по теологии, философии и географии, но имелись и книги по естествознанию и анатомии, среди которых были и труды таких признанных светил европейской медицины, как Х. Гюйгенс, С. Лубенецкий, П. Лауренберг, А. Шпигель и др.

Медицина была одной из пламенных страстей не только Гадена, но и Матвеева, а должность последнего, главы Аптекарского приказа, была облечена особым доверием царя. Впоследствии будет общепризнанным, что деятельность Артамона Сергеевича на сем поприще продвинула далеко вперед отечественную медицину. И немалую роль здесь сыграл Гаден. Друзья внимательно следили за развитием лечебного дела в Западной Европе, заботились, чтобы в кремлевской аптеке были новейшие лекарства. В Посольском приказе, который Матвеев по совместительству возглавлял, по его требованию, переводились на русский язык надежные руководства по врачеванию недугов. Известно, что Матвеев с подачи Гадена самостоятельно составлял списки необходимых медикаментов (коих насчитывалось более ста тридцати!) на славянском и латинском языках.

А как преобразился при наших друзьях сам Аптекарский приказ! Очевидцы утверждают, что помещение его Матвеев обставил с большой роскошью. Стены и потолки были украшены росписями, полки и двери обиты английским «добрым» сукном, окна пестрели разноцветными стеклами, на подоконниках расстилались дорогие бархатные ковры. Матвеев принял меры к тому, чтобы даже поблизости от приказа не было «грязи, вони и никакого дурна».

И все же после смерти «тишайшего» Алексея Михайловича участь Матвеева, ревностного сторонника Нарышкиных, была предreshена. И показательно, что предлогом к казни боярина стала именно его медицинская деятельность. Матвеев подготовил к изданию книгу по лекарствам и травам, в которой клеветы Милославских усмотрели ересь. Но и из пусто-зерской ссылки, куда он был отправлен, Артамон бомбардирует нового царя оправдательными письмами, где часто поминает Гадена и ссылается на его авторитет. Сохранилось описание последних минут его жизни. Боярин пытался увещевать стрельцов, но те яростно накинулись на него. Артамон вырвался и успел добежать до своего любимца Петра и схватить его под руку. «Стрельцы ворвались, – пишет далее очевидец, – выхватили его из царской руки, сбросили его с крыльца на копья; потом сняли с него одежды, вывели за Крым-город и разрубили на части. Видя это, иные бояре разбежались, кто куда мог».

А что же Гаден? Избежав каким-то чудом гонений при Федоре Алексеевиче, еврейский доктор, как человек, близкий Матвееву, теперь становится одним из тех, кто «царевны Софьи Алексеевны стороне противны или подозрительны были». Масло в огонь подливало и то, что он был нерусским, о чем писал стихотворец XVIII века А. П. Сумароков, подчеркнувший, что Даниил был «жидовской породы» и с ним расправились «по ненависти к чужеземцам».

Однако и заслуги Гадена не помешали Милославским объявить сего еврея первостатейным злодеем, якобы уморившим Федора Алексеевича ядовитым кушаньем. Обвинение странное, если принять во внимание, что все лекарства и блюда, прежде чем попасть к царю, непременно дегустировались челядью и врачами! Но кого интересовало действительное положение дел?! В отравители монарха невежественная чернь записывала всех, кого ей заблагорассудится. Чудовищная напраслина, возведенная на медика-еврея, столь же абсурдна и нелепа, как и шельмование Матвеева, якобы общавшегося с нечистой силой. Потому-то и искали царского медика разъяренные стрельцы.

«В этот же день, – свидетельствует современник, – разыскивали и лекаря жида Даниила, но не нашли его, потому что он, переодевшись в страннические одежды, пробрался на Кукуй [так называли Немецкую слободу в Москве. —Л. Б.]». Итак, Гаден бежал от кровавой вакханалии стрельцов в Кремле. Двое суток он прятался в Марьиной роще и окрестных местах. Но, одержимый голодом, направился вновь в Немецкую слободу, где надеялся найти приют у одного знакомого. На улице он был узнан, схвачен и приведен во дворец. «Здесь, – рассказывает историк С. М. Соловьев, – царевны и царица Марфа Матвеевна умоляли стрельцов пощадить доктора; уверяли, что он совершенно невинен в смерти царя Федора, что он в их глазах сам прежде отведывал все лекарства, которые составлял для больного государя, – все понапрасну!» Медика повели на пытку в Константиновский застенок. И совсем как в будущие сталинские времена, Гаден, не вытерпев мук, наговорил на себя разные разности. Он не только признался в том, что сам был врачом-отравителем, но пообещал назвать всех своих выдуманных сообщников, прося на то три дня сроку. «Долго ждать!» – закричали стрельцы, потащили его на Красную площадь и там разрубили на куски. Вместе с ним умерщвлены были его сын Михаил, «немец» доктор И. Гутменш, ассистент Гадена, а также его слуги – пятьдесят человек простого люда.

Царица Марфа Матвеевна Апраксина

Символично, что в свой последний путь доктор, всю жизнь метавшийся от одной христианской конфессии к другой, ушел как иудей. Вот что рассказывает об этом очевидец: «Я приехал в Москву через три или четыре дня после погрома [в Кремле. — Л. Б.] и пошел на похороны с другими анусим [крещеными евреями. — Л. Б.], что был дан от царя приказ похоронить убитых. Даниил был изрублен на куски: отрублены были одна нога и одна рука, тело проколото копьем, а голова разрезана топором. Я и другие анусим похоронили Даниила и его сына... в поле».

Место захоронения Стефана фон Гадена неизвестно. И имя его знают только дотошные историки. Но разве не поучительно, что по прошествии более двух с половиной столетий в пресловутом сталинском процессе над врачами-вредителями повторился тот же навет, замешанный на невежестве и ксенофобии, который стоил жизни московскому доктору?

Петр I и евреи (Импульсивный прагматик)

Пожалуй, нет кроме Петра Великого ни одного монарха в России, чье отношение к иудейскому племени толковалось бы столь неоднозначно и противоречиво. Характеристики поражают своей полярностью. Почвенник Анатолий Глазунов утверждает, что сей император «жидов не терпел» и считал их «нежелательным элементом». А израильский писатель Давид Маркиш, напротив, говорит о завидной веротерпимости Петра и вкладывает в его уста такие обращенные к иудеям слова: «Что ж это, вы тут гуляете, Пасху свою жидовскую празднуете, а меня и пригласить забыли!.. Мне на вашу Пасху поглядеть весьма любопытно и даже полезно для общего знания» (и в довершение сего царь надевает на голову ермолку). Парадокс, однако, в том, что для этих взаимоисключающих (и с явным перехлестом) оценок есть свои резоны, ибо великий реформатор России в разных жизненных ситуациях вел себя по-разному, демонстрируя то благодушие к народу Израиля, то нескрываемую антипатию. Возникает вопрос, где же истинный Петр Алексеевич: когда он кривил душой, а когда прямо выказывал то, что было на сердце? Да в том-то и дело, что сей самодержец, натура импульсивная, взбалмошная, был искренен во всех своих проявлениях – и когда честил иудеев, и когда защищал их...

Но разговор этот логичнее всего начать с курьеза, а именно со спекуляций по поводу этнических корней самого царя. В последнее время на интернетовских порталах и сайтах нередко стали появляться реплики, иногда весьма едкие, о том, что государь-то батюшка, оказывается, по материнской линии «хазарин», «караим», «еврей». Причем ревнители чистоты русской крови прямо указывают на то, что он был «жгучим брюнетом», и «лицо Петра Первого – это явно не славянское лицо». Поиски инородческого следа в происхождении императора получили особенно сильный импульс после выхода в свет двух книг американского литератора Р. И. Слободчиковой: «Романовы, Нарышкины и их потомки» (2007) и «Не родись красивой, или Заложницы судьбы» (2008). Их автор, потомок рода Нарышкиных, к которому принадлежала мать Петра Наталья Кирилловна, воссоздала его генеалогию и отметила, что основателем династии был крымский караим Нарышко, принявший православие и ставший окольничим московского князя Ивана III. Род Нарышкиных, давший Отечеству немало замечательных государственных, военных, политических деятелей, дипломатов, ученых, литераторов, был разветвленным и многочисленным. Однако то, что восходит он к караимам, отнюдь не было открытием Америки. Об этом писали и прежде многие видные российские историки, среди них Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, В. В. Нехлюдов, М. А. Миллер, М. И. Артамонов, так что еще и еще новое оказывается хорошо забытым старым.

Занимались сим вопросом и исследователи-караимы М. С. Шапшал и М. М. Казас. А известный меценат, основатель «Караимской народной энциклопедии», академик М. С. Сарач утверждал, что Романовы знали о своем караимском происхождении и чтили память о своем предке Нарышко, чем он объясняет и благожелательность к караимам всей царской династии. Однако нет решительно никаких данных о том, что Петр подозревал о своем караимском, а соответственно, еврейском прашуре (ведь, согласно господствующей версии, караимы – этнические евреи). К тому же родство это было столь отдаленным (Нарышко приходился ему прапрадедом), что совершенно невозможно судить по нему о национальной принадлежности матери царя и тем более самого Петра Алексеевича. И вполне очевидно, что это, в глазах антисемитов, «сатанинское семя» в родословной царя никак не могло повлиять на его отношение к иудеям.

Император Петр I

Но Петра Великого уличали в еврействе не только бдительные интернетовские информаторы, но и его современники – противники его грандиозных реформ. И это, по мнению историков А. С. Каца и Ф. С. Канделя, оказало на позицию Петра I по сему вопросу самое непосредственное воздействие. Староверы с целью дискредитации ненавистного им монарха объявили его Антихристом, который «соберет всех жидов, поведет их в Иерусалим и будет там царствовать над ними». Примечательно, что и об упразднении Петром патриаршества и учреждении Святейшего Правительствующего Синода будут говорить: «Вместо него жидовский синедрион учредил, еже есть духовный синод». А предпринятую по инициативе царя всеобщую перепись жителей России станут сравнивать с переписью населения, проведенной в Иудее Октавианом Августом в начале новой эры.

Польский еврей. XVIII век

Досужие толки «супротивников» по сему поводу воссозданы в III части трилогии Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»:

«— А что, правда ли, слыхала я давеча... государя же нынче на Руси нет, а который и есть государь — и тот не прямой, природы не русской и не царской крови, а либо немец, либо швед обменный?

— Не швед, не немец, а жид проклятый... — объявил старец Корнилий...

— Я, батюшки, знаю, все про государя доподлинно знаю, — подхватила Виталия, — ...как де был царь наш благочестивый Петр Алексеевич за морем в немцах и ходил по немецким землям, и был в Стекольном, а в немецкой земле стекольное царство держит, и та девица, над государем ругаючись, ставила его на горящую сковороду, а потом в бочку с гвоздями заковала, да в море пустила.

— Нет, не в бочку, — поправил кто-то, — а в столп закладен.

– Ну, в столп ли, в бочку ли, только пропал без вести – ни слуху ни духу. А на месте его явился оттуда же, из-за моря же, некий жидовин проклятый из колена Данова, от нечистой девицы рожденный. И в те поры никто его не познал. А как скоро на Москву наехал, все стал творить по-жидовски: у патриарха благословения не принял; к мощам московских чудотворцев не пошел, потому что знал – сила Господня не допустит его, окаянного, до места свята... Да он же, проклятый жидовин, с блудницами немками всенародно пляшет; пьет вино не во славу Божию, а некако нелепо и безобразно, как пропойцы кабацкие, валяясь и глумясь в пьянстве: своих же пьяниц одного святейшим патриархом, иных же митрополитами и архиереями называет, а себя самого протодиаконом, всякую срамоту со священными глаголами смешивая, велегласно вопия на потеху своим немецким людям, паче же на поругание всей святыни христианской».

Стоит ли говорить об абсурдности отождествления еврейства и оргий Всепьянейшего Собора? Нелепость и вздорность таких инвектив не мог не понимать и сам Петр. Тем не менее он стремился избежать упрека в «жидовском» характере своих реформ. И, как отмечает историк, подобные разглагольствования «могли повлиять на решение Петра не приглашать евреев в Россию... Во всяком случае, в своем манифесте за 1702 год о приглашении в Россию «искусных» иностранцев Петр I сделал оговорку: «кроме евреев».

Следует признать, что к евреям как к этносу он относился без особых симпатий. И, запрещая им селиться в России, он, конечно, не мог не принять в расчет нетерпимость к иудеям православных церковников, взгляды коих достаточно красноречиво выразил ректор Киевского духовного коллегиума Иоанникий Галатовский: «Мы, христиане, должны ниспровергать и сжигать еврейские божницы, отнимать синагоги и обращать их в церкви, изгонять [иудеев] из городов, убивать мечом, топить в реках». Как заметил историк И. Зайдман, в Великороссии не было евреев, «потому что в ней веками существовал антисемитизм – несмотря на отсутствие евреев, в то время был старый добрый [религиозный] антисемитизм».

Однако во взглядах Петра можно усмотреть и влияние протестантизма. Ведь известно, что еще в юности царь пропадад в Немецкой слободе, где усвоил протестантскую религиозность и начала европейского мировоззрения. Монарх объявил себя учеником Запада и не расставался с портретом М. Лютера, автора антисемитского трактата «Против евреев и лжи» (1543), осуждавшего иудаизм и призывавшего изгонять евреев, разрушать их жилища, конфисковать их священные книги. И многие протестантские пастыри в Европе (не говоря уже о католических прелатах) проповедовали с амвона презрение и ненависть к народу Израиля. И то были не только слова! Сколько дискриминационных инструкций и предписаний измыслили для евреев досужие бюрократы-иудофобы! Очень поднаторел в этом «сумрачный германский гений», воплотившийся, впрочем, во вполне конкретном драконовском законодательстве. Вот муниципалитет Франкфурта-на-Майне заставляет иудеев носить отличительный знак, запрещает бродить по улицам без цели и во время христианских праздников, гулять вдвоем, отовариваться на рынке раньше, чем это сделают христиане, попадаться на глаза владетельному герцогу. А крючкотворы из Гамбурга регламентируют количество гостей за еврейским столом, виды подарков, а также разрешенные блюда. Но всех переплюнули австрийские кувшинные рыла: для сокращения популяции нехристей они издают закон, согласно которому только старший сын в каждой еврейской семье имеет право вступать в брак (остальные должны холостяками век вековать). И ведь закон сей действовал и в Богемии, и в Моравии, в Пруссии, Палатинате, Эльзасе!

Судьба большинства иудеев во многих европейских странах была весьма незавидной. В то время как горстка их утопала в роскоши, служа факторами и банкирами при дворах королей, герцогов и курфюрстов, еврейские же массы были заперты и отгорожены от мира стенами гетто, нередко подвергались нападкам агрессивной черни, науськанной на погромы

«христолюбивыми» церковниками. Во Франции, например, где существовал эдикт об изгнании евреев (подтвержденный в 1615 году Людовиком XIII), сыны Израиля находились фактически на полулегальном положении. Кстати, попытки изгнания евреев предпринимались в Европе и после Петра I. Так, в 1744 году это учинила в Богемии императрица Мария-Терезия, громогласно объявив: «Впредь ни один еврей, независимо от того, кто он такой, не будет оставаться здесь без моего письменного разрешения. Я не знаю никакой другой злополучной чумы внутри страны, как эта раса, которая разоряет народ хитростью, ростовщицеством, одалживанием денег и занимается делами, отталкивающими честных людей».

Отсюда ясно: европеизм и протестантская ориентация Петра не только не исключали враждебности к евреям, а, напротив, ей способствовали. Так что с какой стороны ни посмотри (с западной или с доморощенной, российской), антисемитская тенденция все равно выплывает наружу. То было знамение времени, и Петр Великий был у этого времени в плену.

Еврейские костюмы. Гравюра. Нюрнберг. 1755

Впрочем, была в ту пору страна со свободой вероисповедания и общинной автономией, куда стекались иудеи со всех концов Европы – Голландия. В 1698 году к Петру в Амстердаме обратился бургомистр города Н. Витсен с просьбой разрешить въезд в Россию еврейским купцам. «Мой друг, – ответил ему царь, – вы знаете нравы и обычаи евреев, а также знакомы с русскими. Я также знаю и тех, и других, и поверьте мне: еще не пришло время для встречи

этих двух народов. Скажите евреям, что я благодарю их за их предложения и понимаю ту выгоду, которую мог бы извлечь...»

Прервем пока цитату. Видно, никакой религиозной подкладки в ответе царя нет. Примечательно и то, что Петр говорит о своем знании нравов и обычаев иудеев (не вполне, правда, понятно, сколь глубоки сии знания, понаслышке ли или из первых рук получены, и где он их приобрел). Но интерес царя к еврейству очевиден, и когда у писателя Д. Маркиша Петр заявляет о полезности знания религиозных обрядов евреев, он говорит сущую правду, ибо верен своему реальному прототипу. Важно и то, что царь говорит об очевидной выгоде, приносимой евреями державе. Далее следует замысловатый отказ царя. Почему? «Мне было бы их жаль, – говорит Петр о евреях, – если бы им пришлось жить среди русских». В другом варианте эта фраза продолжена: «Хоть и говорят, что жида в торговле всех надувают, но не думаю, чтобы они провели моих русских»¹.

Может показаться, что Петр печется здесь не столько о русских, сколько о еврейских интересах. Ан нет! Это лишь дипломатическая увертка, ибо в другом месте царь говорит недвусмысленно: «Народ мой и без того плутоват, а дозволю переселиться евреям, они окончательно его развратят». И категорично заявляет: «Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не располагаю. Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том они ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают». Нельзя не сказать, что в подобной оценке сказались заскоружные представления той эпохи о коммерции и ростовщичестве, коими было дозволено заниматься евреям и в чем они преуспели, как о махинациях жульнических и презренных (сейчас это называется бизнесом и никакого отторжения не вызывает).

Примечательно, однако, что Петр не изгонял иудеев из областей, ранее относившихся к Речи Посполитой и присоединенных к России при его отце, «тишайшем» Алексее Михайловиче. Кроме того, как отмечает исследователь А. А. Мялеховецкий, он «вполне благожелательно относился к евреям новоприобретенных областей Прибалтики». При этом подчеркивал, что там, где евреи водворены, следует, не изгоняя их, стараться извлечь из них возможную пользу для Отечества.

Известно, что царь был резок и неводержан на язык. С его уст нередко слетали слова, что евреи, дескать, «подлая орда» и «бездельные люди». На практике же он нередко вникал в жизнь этих людей и даже оказывал им посильную помощь. Известно, что в 1708 году во время пребывания в Мстиславле Петр посетил городскую синагогу, интересовался вопросами веры и долго расспрашивал о житье-бытье местных иудеев. Когда же узнал от них, что его русские солдаты мародерствуют и чинят насилие, приказал вздернуть на виселицу 13 виновных. Вот что повествует об этом Каталая книга города «на память грядущим поколениям»: «28 элула 5468 года пришел Кесарь, называемый царь Московский, по имени Петр сын Алексея, со всей толпой своей – огромным, несметным войском. И напали на нас из его народа грабители и разбойники, без его ведома, и едва не дошло до кровопролития. И если бы Господь Бог не внушил царю, чтобы он самолично не зашел в нашу синагогу, то наверное была бы пролита кровь. Только с помощью Божьей спас нас царь и отомстил за

¹ Любопытно, что те же забавные аргументы приводит секретарь посольства императора Леопольда I к Петру I И. Г. Корб: «В Московии некрещенные евреи жить не могут, потому, как говорят Москвитяне, что было бы странно, если бы от них, Москвитян, религией отличались те, в нравах и поведении которых оказываются не менее замечательная хитрость и способность к обману» (Корб И. Г. Дневник поездки в Московское государство... М., 1867, с. 281). Австрияка И. Г. Корба можно было бы, конечно, обвинить в русофобии, но он ссылается на мнение самих москвитян, а это уже заставляет призадуматься. Примечательно, что нечто подобное высказал ранее секретарь голштинского посольства при царе Михаиле Федоровиче Адам Олеарий в книге «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1656): «Многие из [русского] купечества довольно похожи на жидов». Интересно, что впоследствии классик марксизма Ф. Энгельс заметит: «После русского купца трем евреям делать нечего».

нас, и приказал повесить немедленно тринадцать человек из них, и успокоилась земля». Так Петр I лично встал на защиту евреев.

В другой раз царь примерно наказал рейтара Карпа Кизилова, который в 1701 году «местечка Белогородки у жителя еврейна деньги и всякую рухлядь крал, и в этой покраже был пытан и бит кнутом». Сообщалось, что «покраденные деньги и рухлядь сысканы и отданы истцу».

Впрочем, далеко не всегда монарх оказывал иудеям внимание. Рассказывают, что, когда Петр в 1706 году был проездом в Могилеве и «евреи могилевские пришли встретить его хлебом и живого осетра в чане принесли государю; но государь на них и не взглянул, только хлеб велел от них принять».

Порой импульсивный царь делал заявления многообещающие, но безответственные: «Для меня все едино, был ли человек крещен или обрезан, лишь бы отличался порядочно-стью и хорошо знал дело». На деле же некрещенные евреи при Петре в Россию, как правило, не допускались. Отдельные исключения подтверждают правило. Это царский фактор Израиль Гириш и его сын Зундель, торговец Самсон Соломон, аптекарь Абрам Рот, купец Леви Липман и откупщик Борух Лейбов.

Но знаменательно, что, когда российские войска занимали города, где проживали иудеи, Петр не только не гнушался сотрудничеством с ними, но иногда отдавал им предпочтение перед местным христианским населением. В «Листе Его Величества Петра Алексеевича войску», датированном 27 мая 1707 года, он приказал, чтобы никто препятствий не чинил «стражнику гродненской коморы, еврею Мовшу Шмойловичу», на коего возлагалась ответственная канцелярская работа. Отметим и царский указ фельдмаршалу Б. П. Шереметеву от 28 января 1707 года об учреждении почты в Мозыре (этот город относился тогда к Речи Посполитой, и в нем закрепились русские). «А почту положить на жидов, – распорядился монарх, – а где нет (жидов), на жителей тамошних». Интересно, что почин проницательного Петра использовать евреев как почтарей будет подхвачен в России. В войне с Наполеоном неоценимую помощь русской армии окажет так называемая «жидовская почта», созданная еврейскими торговцами (почтовыми станциями служили корчмы) и передававшая информацию с невиданной в то время быстротой.

Но в чем великий реформатор был действительно революционером – он впервые и единственный раз в истории России – до реформ Александра II – ввел в высшие коридоры российской власти значительную группу евреев крещеных. Если учесть, что православная церковь традиционно относилась к таким выкрестам подозрительно (как об этом писал ортодокс Юрий Крижанич: «Если Русское царство когда-нибудь погибнет, то оно примет гибель от перекрестов и их потомков»), решение это действительно может показаться беспрецедентно смелым. Существенно, однако, заметить, что и при отце Петра, Алексее Михайловиче, иные выкресты занимали важные государственные посты; и сей царь всемерно поощрял крещение евреев (когда его придворный врач Даниил фон Гаден принял православие, то был осыпан дорогими подарками, один перечень коих занял бы несколько страниц). Однако при Петре число выкрестов во власти столь возросло, что количество переходит в качество. И в этом может быть усмотрена и смелость, и широта мышления великого реформатора, впрочем, вполне согласные с его программной установкой выдвигать человека «по годности», а не по происхождению.

Русские евреи. Литография. Первая половина XIX в.

Вот наиболее приметные из крещеных евреев – надежная опора царю в проведении модернизации страны. Фактическим главой дипломатического ведомства был вице-канцлер П. П. Шафиров, кавалер ордена Андрея Первозванного, спасший Отечество в 1711 году от унижительных условий мира с Османской Портой. Первым обер-полицмейстером Петербурга был выходец из Голландии А. М. Дивьер, заслуги коего перед северной столицей неоспоримы. А первым почт-директором был Ф. Ю. Аш – он проработал на сем ответнейшем посту 67 лет! Пригодились России и братья Веселовские, двое из которых стали видными дипломатами, а третий обучал русскому языку великого князя Петра Федоровича. Нельзя не упомянуть и камердинера царя П. Вульфа, дослужившегося до высокого чина тайного советника, начальника тайного сыска А. Вивьера и т. д.

Замечательную роль играл при дворе и любимый шут императора Ян Лакоста, которого Петр пожаловал потешным титулом самоедского короля и подарил ему остров Соммерс

в Финском заливе. Этот крещеный еврей цитировал наизусть целые главы из Священного Писания.

Некоторые выкреды прямо ходатайствовали перед царем за своих соплеменников, пытаясь примирить национальное чувство с интересами империи. Так, резидент посольства в Лондоне А. П. Веселовский убеждал Петра I принять на российскую службу иудеев-врачей, поскольку страна остро нуждалась в квалифицированных медиках. П. П. Шафиров занимал для императора большие деньги у евреев-банкиров и испрашивал у царя разрешения открыть еврейские торговые конторы в России, на что, кстати, получил согласие (сделка сорвалась по иным причинам).

С каждым из верноподданных, близких к трону, у императора складывались свои особые отношения, в коих национальность едва ли играла заметную роль. Когда влиятельный гофхирург, француз И.-Г. Лесток, соблазнил дочь шута, еврея Яна Лакосты, царь наказал обидчика, сослав его в Казань под крепкий караул, без права переписки, где тот провел в ссылке долгие пять лет! Однако руководствовался Петр исключительно чувством справедливости, и никакой национальной подоплеку здесь нет и в помине. Показательно, что на род-племя соратников Петра обращали внимание разве что сторонние наблюдатели. Так, один шведский дипломат писал в депеше от 21 декабря 1716 года из Амстердама, где находилось тогда русское посольство, что Петр «окружен совершенно простым народом; в числе его перекрещенец еврей» (речь, по-видимому, идет о П. П. Шафирове).

Могут сказать, что с некоторыми придворными евреями царь обошелся весьма жестоко. Тот же вице-канцлер П. П. Шафиров был приговорен к смертной казни и уже положил голову на плаху, когда услышал «милостивое» петровское повеление о том, что он, лишаясь всех чинов и орденов, отправляется с семьей в ссылку и на содержание им отпущено аж 33 копейки в день. А братья А. П. и Ф. П. Веселовские, ожидая расправы, убоялись вернуться в Россию и стали первыми дипломатами-невозвращенцами. Однако никакой антисемитской подоплеку в действиях Петра не было, ибо точно таким же образом поступал император и с провинившимися коренными русаками. Шафирову, к примеру, вменялось в вину казнокрадство, завышение почтовой таксы, укрывательство беглых крепостных; А. П. Веселовскому (правомерно ли или нет) потворство бежавшему в Австрию от Петра I царевичу Алексею, а резиденту Ф. П. Веселовскому – сокрытие в Англии его опального брата. Как говорил Петр, «чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину впадет».

Уместно обратиться к мотивам поступков ближайшего сподвижника Петра А. Д. Меншикова. Сын конюха, светлейший князь, которого называли левой, «сердечной» рукой царя, был в сердце, в отличие от Петра, откровенным антисемитом. Когда А. М. Дивьер стал просить руки его сестры, Меншиков пришел в такое неистовство, что нещадно отлупцевал жида, и только усилиями Петра этот «неравный» брак стал возможен. Однако после кончины императора Меншиков поквитался и с ненавистным шурином (упек его в Якутскую глухомань), и с послушницей-сестрой, которую сослал с детьми-жиденятами в дальнюю деревню. Именно Меншиков инициировал в Сенате обвинение П. П. Шафирова в сокрытии своего еврейского происхождения и покровительстве «жидовской родне». Когда же Петр I находился в беспмятстве на смертном одре, светлейший 26 января 1725 года дал ему на подпись указ о лишении евреев откупов на Смоленщине, который царь подмахнул. Полагают, что именно Меншиков стоял за указами Екатерины I от 14 марта 1727 года о высылке евреев из Смоленского края за рубеж и от 20 апреля 1727 года об изгнании всех иудеев из Российской империи. А при императоре Петре II, на заседании Верховного Тайного Совета, именно Меншиков бросил фразу, которую сегодня охотно цитируют «патриоты»: «Жидов в Россию ни с чем не впускать!»

Убежденный антисемит, Меншиков может быть противопоставлен Петру I, который к евреям относился без особых предубеждений. Однако известен случай, когда на одной из ассамблей дочь барона Шафирова отказалась от предложенной царем чарки водки. «Я тебя выучу слушаться, жидовское отродье!» – прорычал взбешенный монарх (а в гневе он был невозддержан и крут!) и отвесил строптивой девице две увесистые пощечины.

Но таковы были реалии той эпохи: хоть и твердили, что человек ценится по заслугам, а не по породе, на евреев сие правило распространялось далеко не всегда. «Жидовская порода» считалась чем-то постыдным. Вот, к примеру, гетман И. С. Мазепа узнает, что императору из Полтавы поступил донос от Петра Яценко с обвинением его, гетмана, в государственной измене. Но Мазепа-то калач тертый, знает, как очернить изветчика половчее. Он сразу же берет быка за рога и в письме от 24 февраля 1708 года пишет царю: «Человек худородный, с Жида перехрист, прозываемый Петр Яценко... В Ахтырском полку промыслами, по обыкновению жидовскому, арендовыми упражняющийся... подал за рукою своею все лжи превосходящую сказку, будто я Вашему Царскому Величеству неверен». То, что Яценко, «по обыкновению жидовскому», не «сказку» баял, а чистую правду говорил, выяснится позднее. Петр повелит отчеканить для предателя специальный орден Иуды, которым вознамерится наградить Мазепу перед повешением. И если бы не скоропостижная смерть гетмана в турецких Бендерах, висеть бы ему, как Иуде, на осине, да еще в придачу с презренным наградным знаком в петлице. Но в рассматриваемое нами время вероломный малоросс оправдался перед царем, а его разоблачители (В. Л. Кочубей, Искра) подверглись мучительным казням; «худородный» же П. Я. Яценко был допрошен с пристрастием, а потом сгинул бесследно, быть может, повторив участь своих злополучных сотоварищей.

Говоря об Украине, нельзя не упомянуть указа Петра 1708 года о дозволении еврейским купцам въезжать только в Киев и продавать там товары оптом, а также его распоряжений о высылке с левобережья Днепра и из Киева всех находившихся там иудеев (помещики и казацкие старшины, понимая пользу иудеев, саботировали эти решения). Однако меры эти были вызваны экономическими резонами, а именно борьбой с контрабандной торговлей, и распространялись, конечно, не только на евреев...

Хотя взгляды Петра на еврейский вопрос отличает непоследовательность, а его поступки противоречивы, все же невозможно согласиться с антисемитами, объявившими великого реформатора России своим ревностным единомышленником. Тот же А. Глазунов заявляет: «Как православный русский император, он не мог относиться к жидам благожелательно. Жида были для него – враги Христовы. Жида были для него – враги русского народа. Жида были для него – враги Православной Российской империи». На самом же деле император благожелательно относился ко многим евреям, которых возвел на высшие должности Российской империи, и хотя считал, что время для исторической встречи русского и еврейского народов еще не настало, понимал выгоды от сотрудничества с иудеями на благо своих соотечественников. В этом вопросе он, несомненно, был прагматиком, а учитывая его взрывной характер и непредсказуемость поведения, Петр Великий вполне может быть назван импульсивным прагматиком. Но он всегда действовал в интересах государства и народа России.

Звездный час барона Шафирова Петр Шафиров

Есть в истории российской события судьбоносные. Одно из них – печально памятное сражение с турками 9—10 июля 1711 года у местечка Рябая Могила, что на реке Прут. Известный вития Феофан Прокопович увековечил его стихами в чеканном размере четырех-стопного хорей:

Над Могилою Рябою,
Над рекою Прутовою
Было войско в страшном бою.
В день недельный ополудны
Стался час наш велми трудный.
Пришел турчин многолюдный.

Оказавшись без воды и провизии, запертые со всех сторон 200-тысячной армией басурман Оттоманской Порты, вкупе с ордами воинственных крымчаков, русские, казалось, были обречены. Самообладание и выдержка изменили тогда даже царю Петру Алексеевичу, который в те дни писал в сердцах в Петербург: «Господа Сенат! Сим извещаю вас, что я со своим войском без вины или погрешностей со стороны нашей... в четырехкратно сильнейшею турецкой силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особливья Божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня своим государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники».

П. П. Шафиров

Израильский писатель Д. Маркиш в своей книге «Еврей Петра Великого, или Хроника из жизни прохожих людей» (Спб., 2001) вкладывает в уста отчаявшегося царя слова: «Надежда пархатая!» И действительно, вести переговоры с турками о судьбе всей православной России Петр I доверил еврею, личности замечательной. То был вице-канцлер, барон Петр Павлович Шафиров (1672–1739), на коего царь полностью полагался. При этом Петр I был готов на самые унижительные условия перемирия, вплоть до того, чтобы отдать союзникам турок, шведам, Лифляндию и даже Псков. В инструкции Шафирову он высказался еще более категорично: «Все чини по своему разумению, как тебя Бог наставит, и ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чего похотят, кроме шклавства [рабства. —Л. Б.]».

Если верно, что «дипломатия есть искусство возможного», хитроумный вице-канцлер добился, казалось бы, невозможного. Туркам были отданы лишь крепости Азов и Таганрог. А русская армия во главе с Петром получила возможность почетно и без потерь выйти из окружения. «В более широком политическом плане, – говорит историк С. Ф. Орешкова, – мир с Турцией отвечал той цели, которую Петр I ставил перед собой и до войны, – обеспечить России спокойствие на южных границах, чтобы иметь возможность сосредоточить все силы против Швеции». Однако сам виновник торжества Шафиров вынужден был по требованию врага томиться в турецком плену в качестве заложника. «Держат нас в такой крепости, –

писал Петр Павлович из Турции, – что от вони и духа в несколько дней вынуждены будем умереть». А в неволе ему пришлось пребывать два с половиной года!

Уже один этот эпизод ставит Шафирова в ряд выдающихся русских дипломатов. Это, кстати, признают даже искушенные в юдофобии историки. Так, известный литературовед и историк В. В. Кожин говорит о неоспоримых заслугах Шафирова, сумевшего «в очень трудной ситуации заключить необходимый для России мирный договор с Турцией... Еврей... Шафиров стал одним из самых знатных лиц в России...»

Вопрос о еврействе Шафирова заслуживает отдельного разговора. «Шафиров – не иноземец, но жидовской породы, – говорили о нем, – холопа боярского прозванием Шаюшки сын, а отец Шаюшки был в Орше у школьника [меламеда. —Л. Б.] шафором, которого родственник и ныне обретается в Орше, жид Зельман». Русский биограф так описывает его внешность: «Хотя он был малого роста, чрезвычайной толщины и едва передвигал ноги, но соединял ловкость в поступках с великою приятностью в лице. Жидовская порода».

При этом нельзя не сказать о том, что некоторые еврейские историки и писатели, забывая о реалиях той эпохи, стремятся представить всех своих соплеменников тайными, а то и явными иудеями. В их изображении Петр Павлович предстает то ведущим разговоры на иврите, то в ермолке за столом на пасхальном седере. Подобные картины – плод авторской фантазии, ничем документально не подкрепленной. Известно, что православие принял еще отец нашего героя, смоленский уроженец по имени Шая Сапсаев (он какое-то время был холопом у боярина Б. М. Хитрово), нареченный при крещении Павлом Филипповичем Шафировым и получивший дворянское звание. Да и сам Петр Павлович проявлял к христианству явный интерес, коллекционировал издания Библии на разных языках, составивших целое книжное собрание.

И в то же время в нем властно звучал голос крови: не случайно он женился на еврейке (что было в тогдашней России редкостью), Анне Степановне (Самуиловне) Копьевой, тоже родом из Смоленска. Кроме того, почитание родственников (черта типично еврейская) было свойственно Шафирову в сильнейшей степени – вплоть до того, что недоброхоты прямо обвиняли его в нарушении закона ради выгоды еврейской родни. Впрочем, Петр Павлович протектировал, причем весьма самоотверженно, и свойственникам-нееврейцам. Так, в мрачную годину царствования Анны Иоанновны он не побоялся ходатайствовать о своем зяте из опального семейства Долгоруких, Сергее Григорьевиче.

И вот что важно: государственный Шафиров и свои еврейские связи использовал во благо России, которой беззаветно служил. Израильский историк С. Ю. Дудаков обратил внимание на то, что Петр Павлович, находясь в турецком плену, сошелся с влиятельным еврейским эскулапом, мараном Даниэлем де Фонсека, который помогал ему в многотрудной посольской миссии. Известно, что Петр Павлович занимал для императора большие деньги у евреев-банкиров. В свою очередь, западноевропейские евреи через Шафирова запрашивали Петра о возможности открыть торговые конторы в России. Петр прислушивался к Шафирову и весьма дорожил его мнением.

Г. И. Головкин

Как же сошелся царь с этим крещеным евреем, которого сделал фактическим руководителем всего дипломатического ведомства империи? Историограф XVIII века И. И. Голиков приводит такой анекдот об их знакомстве: «[Петр I] незадолго до первого своего в чужие кран путешествия прогуливался по московским торговым лавкам... Заметив проворство одного молодого сидельца, остановился у лавки его и вступил с ним в разговор и из ответов его узнал его разум, а в продолжение разговора сведав, что он разумеет немецкой, французской и польской языки, спросил, где он учился. Сей ответствовал, что у отца своего. «Кто же отец твой?» – вопрошает паки государь. «Посольского приказа переводчик». – «А кто хозяин твой?» – «Московский гость Евреинов». Монарх напоследок повелел ему именем своим сказать хозяину его, чтоб он его сосчитал и, взяв аттестат, придти с отцом своим к нему, ибо де ты мне надобен. Из сего-то сидельца вышел славный господин Петр Павлович Шафиров. На третий день отец с сыном предстали пред монарха... Великий государь определил его в Посольский приказ...»

С легкой руки Голикова эпизод этот стал хрестоматийным и перекачивал во многие литературные и исторические труды. Достоверность его между тем сомнительна в своей

основе. На самом деле в штат дипломатического корпуса Шафиров был зачислен по распоряжению вовсе не царя, а думного дьяка А. А. Виниуса; государю же он стал лично известен в 1695–1696 годах, то есть на четвертом или пятом году службы в Посольском приказе. Да и имя его отца среди переводчиков ведомства почему-то не значится.

Историк Д. О. Серов усомнился и в лингвистических познаниях Петра Павловича, утверждая, что тот будто бы владел только немецким языком. Действительно, Шафиров был принят в штат как переводчик с немецкого. С этого языка он перевел на русский несколько календарей. А календари, уточним, являли собой в то время особый вид литературы, содержащий самые универсальные сведения по всем отраслям знания, они были любимым чтением московских людей и пропагандировали западную культуру.

Титульные листы переложённых Шафировым книг с немецкого говорят сами за себя: «Календарь о малобывающих вещах Ягана Гендриха Фохта, королевского свейского математика на 1695 лето»; «Математических хитростных тонкостей календарь на 1697 лето от Р. Х., в нем же описуется купно с провещанием и о солнечном беге и о высоте в великости онаго, також и об основательном числении солнечных и месячных затмений, сочинен в первые от Павла Гаркена, математического художника, учрежденного, письменнаго и сочинительнаго мастера града Буркстегуда».

Однако немецким языком познания Шафирова не ограничиваются: достаточно обратиться к его личной библиотеке, чтобы увидеть в нем полиглота. Ведь собрание его целиком состояло из книг иностранных, причем предпочтение отдавалось литературе французской (интересно, что здесь имелись и трагедии Вольтера), хотя там наличествовали и издания на немецком, латинском и итальянском языках.

«У Шафирова, – свидетельствует исследователь книжной культуры С. П. Луппов, – было много исторических и географических книг, лексиконы, грамматики, издания, связанные с дипломатической деятельностью и работой в области международного права, отдельные книги по математике, военному делу, художественная литература, литература развлекательного характера, книги религиозного содержания... Лексиконы и грамматики, имевшиеся в библиотеке Шафирова, были, очевидно, его рабочими пособиями при чтении иностранной литературы».

Большая печать Посольского приказа

Хотя в библиотеке царского дипломата и отсутствуют издания Нидерландов, голландским языком Петр Павлович владел и переводил с него дипломатические документы. Видимо, его расторопность, острота разума и знание иностранных наречий и определили выбор Петра I, включившего Шафирова в состав русского Великого Посольства, путешествовавшего в 1697–1698 годах по европейским столицам. Тем более что о способностях нашего героя царю нашептали видные дипломаты: думный дьяк Е. И. Украинцев и глава Посольства, «первенствующий министр» Ф. А. Головин (примечательно, что впоследствии дочь Шафирова выйдет замуж за его сына). Вскоре монарх и самолично убедился в достоинствах их протекже. Осведомленный иноземец сообщал, что царь все свое время проводит с «перекрещенцем евреем», с коим не расстанется. Показательно, что когда Петр вынужден был прервать свой вояж ради подавления стрелецкого мятежа, в числе самых близких людей он взял с собой в Москву и Шафирова.

Постепенно Шафирову стали поручать все более ответственные задания, важные для судьбы империи. Впрочем, собственный голос в переговорных делах он обрел не сразу. Какое-то время Шафиров был хоть и инициативным, но не вполне самостоятельным помощником великого реформатора. Именно как усердный исполнитель воли вникавшего во все тонкости царя Петр Павлович участвовал в подготовке русско-датско-польского союза в 1699 году и русско-польского союза 1701 года, направленных против Швеции.

О том, что им остались довольны, говорит назначение Шафирова в 1703 году тайным секретарем при Ф. А. Головине. А после смерти последнего в 1706 году канцлером стал Г. И. Головкин, человек весьма посредственных способностей. Постепенно деятельность Шафирова заметно расширяется: он был назначен на специально созданную для него должность вице-канцлера. Головкин по существу был фигурой декоративной, представительской; переговоры же с иноземными послами и детальная разработка дипломатических проектов выпали на долю вице-канцлера Шафирова. Вот как характеризует его деятельность историк: «Шафиров оказался на высоте своего призвания. Он умел внушить к себе доверие, умел исправлять резкости государя, умел подмечать мелочи». Усилиями Петра Павловича был достигнут дружественный пророссийский нейтралитет Англии, Голландии и германских государств. Он также поддерживал трансильванского князя Ференца Ракоци в притязаниях на польский престол в противовес ставленнику шведов Станиславу Лещинскому.

И на марсовых полях Шафиров всегда был рядом со своим царем. Известно, что он был парламентаром при капитуляции шведов у Ивангорода и Нарвы в 1704 году. А после славной Полтавской баталии неутомимый вице-канцлер получил чин тайного советника, триста крестьянских дворов, два богатых малороссийских села Вербя и Понурица и т. п. 30 мая 1710 года, в день своего рождения, благодарный царь возвел Петра Павловича в баронское достоинство – сей титул стал впоследствии традиционным знаком отличия для евреев галута. Заслуги Шафирова отмечали и другие европейские венценосцы: Фридрих Прусский пожаловал ему орден Великодушия, а король Польский и курфюрст Саксонский Август II – орден Белого Орла.

В 1709 году в ведение вице-канцлера поступили и все российские почты, причем главный почтамт разместился в его усадьбе (она сгорела в 1737 году). Темпам доставки депеш при генерал-почт-правителе Шафирове могли бы позавидовать и современные почтовые службы. Знаменитая птица-тройка (она обывкла колесить по российскому бездорожью) из Москвы в Воронеж долетала за 48 часов, в Тулу – за 36 часов, в Новгород – за 52 часа. Петр Павлович также образцово обустроил почтовый тракт между Петербургом и Москвой.

Шафиров стоял и у истоков первых династических браков августейших особ, кои всецело подчинил интересам государства Российского. Именно он в 1710 году заключил договор с герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом о браке его с племянницей Петра I великой княжной Анной Иоанновной (впоследствии императрицей). Согласно этому договору, Курляндии было обещано возвращение завоеванных у нее земель, вместе с тем Россия получала протекторат над герцогством, облегчивший впоследствии его присоединение к империи. Аналогичное соглашение было подписано в 1716 году герцогом Мекленбург-Шверинским Карлом-Леопольдом о его супружестве с другой племянницей Петра, Екатериной Иоанновной, причем Петр Павлович не остановился даже перед тем, чтобы устроить развод сего венценосца с первой женой.

Пробовал себя Шафиров и в частном предпринимательстве, став одним из первых мануфактурных фабрикантов в России. Он, в частности, налаживал рыбный промысел в Белом море: добычу моржового, китового и трескового жира и экспорт китового уса в Европу. В 1717 году он пытался завести в Москве фабрику по производству шелка, на что получил одобрение и поддержку Петра (разрешалась беспопышная продажа изделий фабрики в течение 50 лет). Однако сложность и новизна дела оказались ему не под силу, и в 1721 году фабрика была закрыта. Впрочем, на отношение Петра I к Шафирову это не повлияло: царь, как и прежде, использовал вице-канцлера на дипломатическом поприще.

После соглашения с Турцией 1711 года, подтвержденного в 1713 году в Адрианополе, дипломатическая карьера вице-канцлера вновь стала набирать высоту. Шафиров принял участие в подписании союзных договоров с Польшей и Данией (1715), Пруссией и Францией (1717). И вот уже Петр Павлович становится вице-президентом коллегии иностранных дел

(1717), кавалером высшего российского ордена Св. Андрея Первозванного (1719), сенатором и действительным тайным советником (1722).

Неоценима его роль и в заключении Ништадтского мира 1721 года, ознаменовавшего собой окончание кровопролитной Северной войны (1700–1721). Важно то, что Шафиров приближал победу над шведами не только за столом переговоров, но и собственным пером. Можно утверждать, что талант дипломата счастливо сочетался в нем с даром недюжинного полемиста. Предпринятый им беспрецедентный публицистический труд «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель все-российский и протчая, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карла XII Шведскаго 1700 году имел...», писанный в 1716 году по приказу царя, явил собой первое в России сочинение по международному праву. О том, какое значение придавал «Рассуждению...» монарх, свидетельствует тот факт, что оно издавалось трижды, причем 3-е тиснение (1722) было отпечатано в количестве 20 тысяч экземпляров (тираж для того времени беспрецедентный!) и его предполагалось разослать по всем губерниям и провинциям бескрайней империи по пониженной цене. Более того, труд сей получил и международный резонанс: был переведен на немецкий и английский языки (к слову, это была первая русская книга, переведенная на Туманном Альбионе).

«Рассуждение...» – политически злободневное произведение, в котором борьба со шведским королем представлена как необходимость, вызванная существенными потребностями государства. Автор опирался на широкий круг исторических источников, скрупулезно исследуя русско-шведские отношения начиная со времен Ивана Грозного. Шафиров проводил здесь мысль о необходимости довести дело до конца и не мириться со Швецией до тех пор, пока не будет обеспечено обладание России Балтийским морем. И безусловно прав историк С. Л. Пештич, отметивший, что этот обстоятельно документированный труд имел большое историческое, дипломатическое, политическое, публицистическое и правовое значение.

«Рассуждение...» отмечено и лексическим новаторством, ибо содержит множество слов и терминов, ранее отсутствовавших в русском языке. Автор использует слова и термины из иноземных наречий, что было неизбежно для дипломата Петровской эпохи, поскольку, как отмечает лингвист А. И. Горшков, «главной сферой распространения западноевропейских заимствований была официальная дипломатическая и административная переписка». Некоторые «неологизмы» Петра Павловича – в частности, слова «революция» и «гражданин» – уже анализировались в блистательной книге С. Ю. Дудакова «Петр Шафиров» (Иерусалим, 1989). Добавим в качестве курьеза, что еврей Шафиров впервые ввел в наш обиход слово «патриот», которое определил как «Отечества сын», причем «верным патриотом» назвал самого себя: он и не ведал, что словом этим будут потом бряцать и именоваться российские антисемиты-почвенники.

Книге предпослана «Дедикация, или приношение» автора цесаревичу Петру Петровичу, значение которой в истории словесности еще не вполне оценено. Важно то, что Шафиров выступает здесь родоначальником жанра посвящения (дедикации) в русской книжной культуре, существовавшего еще со времен античности и весьма распространенного в Европе. Впоследствии пиит В. К. Тредиаковский скажет: «Слог панегирических эпистол долженствует быть гладок, сладок, способен текущий и искусный, а особливо в дедикациях... нежна и хитра дедикация». Но именно эти качества отличают посвящение Шафирова.

Вчитаемся в текст: невольно попадаешь под обаяние «витийского краснословия» автора. И не современно ли звучат, к примеру, такие его словосочетания-кальки, как «богом дарованный талант», «слабая комплекция», «фамилиарное обхождение», «неискусство пера», «великий вождь» (это о Петре I) и т. д. Отметим, что лексика, риторические при-

емы и даже композиция его дедикации станут как клише широко использоваться в русских посвяtitельных письмах XVIII – середины XIX веков...

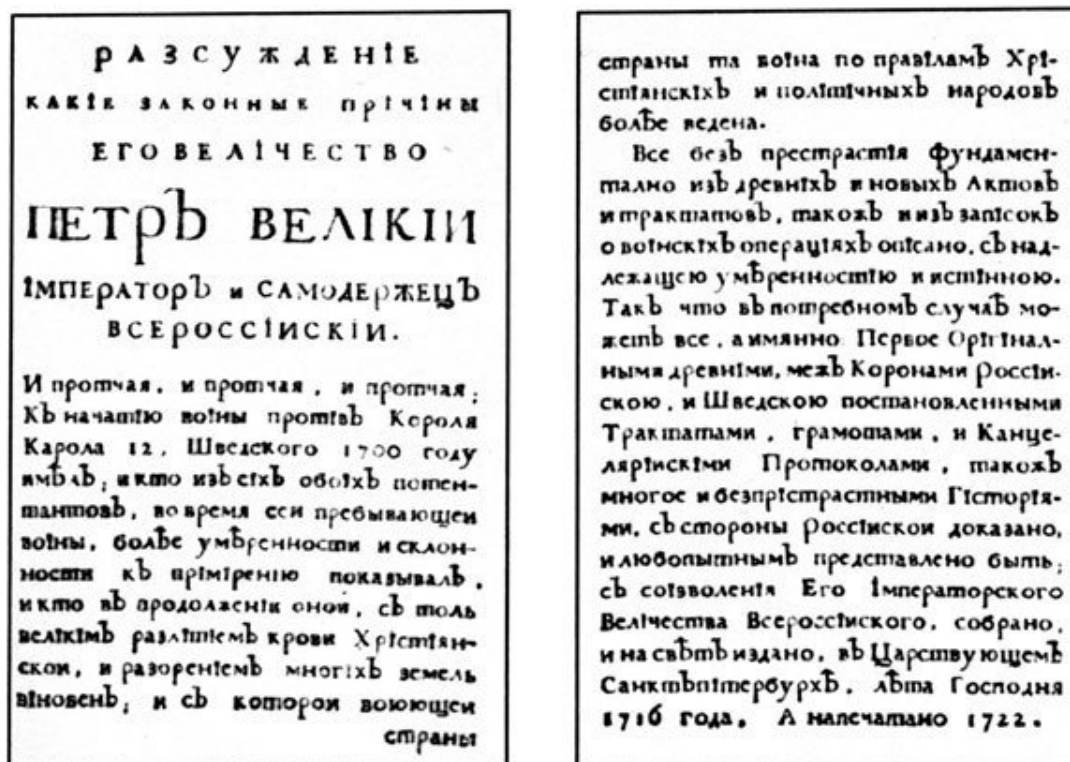
Вице-канцлер часто называл себя учеником Петра Великого и настойчиво проводил в жизнь его преобразовательные планы. Но, пожалуй, главным правилом царя, затверженным Шафировым, была оценка человека не по его «знатности», а по «годности» (что, кстати, отразилось в знаменитой «Табели о рангах», 1721). При этом Петр Павлович не только признавал, что сам «годен» для России, но и страдал непомерным честолюбием, граничившим со своего рода фанаберией. Особенно оскорбляло его то, что он оказался в формальном подчинении у канцлера Г. И. Головкина – отпрыска древнего рода, но, по словам историка, «декоративного ничтожества».

Обида вице-канцлера была тем понятнее, что в то время как он, тонкий и знающий Шафиров, изобрел хитроумный код дипломатической шифрованной корреспонденции на разных европейских языках, его сиятельный патрон даже не знал ни одного иностранного наречия и изъяснялся с заезжими послами исключительно языком жестов. Между канцлером и не желавшим повиноваться ему вице-канцлером вспыхивали постоянные ссоры. Их соперничество проявлялось даже в том, что свои хоромы в Петербурге Шафиров стремился сделать богаче головкинских и торжествовал, когда число его слуг превзошло дворню ненавидимого им канцлера. Современник сообщает, что однажды в канцелярии Коллегии иностранных дел Шафиров обозвал сотрудников «ушниками», «бездельниками» и «креатурами канцлеровыми», а затем «осердясь, встав, пошел вон и, остановясь в дверях, говорил канцлеру с криком, что, де, ты дорожишься и ставишь себя высоко, я, де, и сам таков». Приходится признать, что Петр Павлович подчас не останавливался и перед рукоприкладством. Известно, что в мае 1719 года, разволновавшись из-за ссоры с канцлером, он нещадно избил старейшего секретаря Коллегии И. А. Губина. Писатель XIX века А. О. Корнилович сказал о Шафирове: «Обширный умом и познаниями, сановник совершенный, если б умел обуздать пылкий дух».

Петр Павлович не мог похвастаться «породной честью», но выдающиеся способности выдвинули его в число самых видных сподвижников царя; с ним рады были породниться и самые знатные боярские роды – дочери его были выданы замуж за князей Голицыных, Долгоруковых, Гагариных, Головиных, Хованских. Но и им, крещеным еврейкам, нет-нет да поминали их нерусское происхождение. Мемуарист рассказывает, что как-то на ассамблее одна из дочерей Шафирова пыталась было отказаться от предложенной царем чарки водки. «Я тебя выучу слушаться, жидовское отродье!» – прорычал взбешенный Петр и отвесил строптивой девице две увесистые пощечины. Больше она от царского угощения не уклонялась.

Волею судеб свершилось так, что с высот своей блестящей карьеры Шафиров был низвергнут в бездну. При этом антисемитизм хотя и не доминировал, но явственно присутствовал в происках врагов Шафирова, обвинивших его в 1722 году во многих тяжких грехах. Тогда в Сенате схлестнулись интересы Шафирова и всесильного «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова (они, видимо, не поделили барыши от совместной беломорской компании). Клевретже Меншикова Г. Г. Скорняков-Писарев, обвинив вице-канцлера в казнокрадстве и незаконной выдаче жалованья брату Михаилу Шафирову члену Бург-коллегии, присовокупил к сему еще и сокрытие своего еврейского происхождения. Как раз в этом пункте Шафирову удалось оправдаться: он сослался на знакомство государя с его крещеным отцом, который получил дворянство еще при царе Федоре Алексеевиче. Однако ему вменялось в вину и казнокрадство, и завышение почтовой таксы, и укрывательство беглых крепостных. Действительно ли проштрафился здесь Шафиров? Да, проштрафился. Но ведь известно, что корыстолюбие было свойственно почти всем без исключения «птенцам гнезда Петрова». Как об этом точно сказал литератор Я. А. Гордин, «воровали и выходцы из ста-

рой знати, и «новые люди»... Последние десять-пятнадцать лет петровского царствования – непрерывная череда следствий, пыток, казней... Незапятнанными оставались единицы». Генерал-прокурор П. И. Ягужинский откровенно признавался царю: «Все мы воруюем, все, только одни больше и приметнее других!» Если сравнить, к примеру, стяжательство Шафирова с аппетитами алчного, самого приметного казнокрада той поры А. Д. Меншикова, то оно покажется сущим пустяком. Крупных грехов за Петром Павловичем не обнаружилось. А пострадал он из-за своего чудовищного самомнения и вздорного характера; при разборе дела учинил в Сенате безобразный скандал, чем грубо нарушил регламент, что по существу и стало главной причиной его опалы. Петр грозно повелел: Шафиров «казнен будет смертию без всякия пощады, и чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину упадет».

Первые страницы книги П. Шафирова «Рассуждение о Северной войне». 1722

Вот как описывает сцену казни замечательный русский историк С. М. Соловьев: «15 февраля, рано утром, Кремль уже был наполнен народом... Осужденного в простых санях привезли из Преображенского приказа; при прочтении приговора сняли с него парик и старую шубу и взвели на эшафот, где он несколько раз перекрестился, стал на колена и положил голову на плаху. Топор палача уже взвился в воздухе, но ударил по дереву: тайный кабинет-секретарь Макаров провозгласил, что император в уважение заслуг Шафирова заменяет смертную казнь заточением в Сибирь. Шафиров поднялся на ноги и сошел с эшафота со слезами на глазах. В Сенате, куда привели Шафирова, старые товарищи жали ему руки и поздравляли с помилованием, но Шафиров оставался в мрачном расположении духа; говорят, что когда медик, опасаясь следствий сильного потрясения, пустил ему кровь, то Шафиров сказал: «Лучше бы открыть мне большую жилу, чтоб разом избавить от мучения».

Царь смиростивился (если, конечно, можно назвать милостью лишение чинов, орден, титулов, всего движимого и недвижимого имущества): он не только даровал Шафирову жизнь, но и заменил ссылку в Сибирь на Нижний Новгород. Ссылный содержался там «под

крепким караулом», где ему со всей семьей отпускалось на содержание всего 33 копейки в день.

Положение Петра Павловича изменилось в лучшую сторону только после восшествия на престол Екатерины I, которая к нему явно благоволила. Шафирову были возвращены не только чины и регалии, но и большая часть конфискованного имущества. В 1725–1727 годах он занимал видный пост президента Коммерц-коллегии. Памятуя о его литературных способностях, императрица поручила ему писать историю царствования Петра I (труд этот остался незавершенным).

После вынужденной отставки при императоре Петре II (1727–1730) Шафиров оказался вновь востребованным во времена Анны Иоанновны. К его помощи прибегают для создания антитурецкой коалиции. Шафиров получает назначение в Персию полномочным послом (1730–1732), где подписывает так называемый Рештский договор между Россией и Персией о совместных военных действиях против Османской Порты. В 1733 году он был пожалован в сенаторы и вновь назначен президентом Коммерц-коллегии, оставаясь на сем посту до конца жизни. Талантливый дипломат, он в 1734 году участвует в заключении торгового договора с Англией, а в 1737 году – Немировского трактата.

Но, может статься, в памяти барона всегда жил звездный час его дипломатической карьеры – знойный июльский день 1711 года, когда он, сын бывшего холопа, еврей Шафиров, спас от позора и поражения Великую Россию.

Веселовские

Три представителя этого замечательного семейства составили гордость российской дипломатии и в 1710-х годах вошли в самый влиятельный клан, ведавший внешней политической империи. То были родные братья Веселовские – крещеные евреи ашкеназского происхождения.

Основателем династии был выходец из польского местечка Веселово, Яков. Он оказал важные услуги русской армии при взятии Смоленска в 1654 году и был поставлен перед необходимостью креститься, после чего переехал в Московию. Сын же его, Павел Яковлевич Веселовский (ум. 1715), женился на крещеной еврейке, Марии Николаевне Аршеневской (бывшей в родстве с вице-канцлером П. П. Шафировым), в браке с которой произвел на свет шестерых сыновей и двух дочерей. Сведения о Веселовском-старшем довольно скудны. Известно, что какое-то время он служил стольником и был, по всей видимости, человеком образованным, иначе не курировал бы в 1706–1711 годах работу немецких школ в Москве. И жительствовавал он в Первопрестольной, владея домом за Покровскими воротами, что в Земляном городе. В последние годы жизни он был комиссаром Аптекарской канцелярии в Москве.

В историю России вошли, точнее, ворвались его сыновья, Авраам Павлович (1685–1783), Исаак Павлович (1690–1754) и Федор Павлович (ум. до 1776) Веселовские. Двое из них, сбежав от монаршего гнева, покинули Россию и скрылись в Англии (правда, один из них потом вернулся), третий пережил опалу на родине. Об их судьбах и будет наш рассказ.

I. Опальный дипломат Авраам Веселовский

Даже спустя более полувека после бегства из России этот седой, как лунь, почти столетний старец неизменно проявлял к своей бывшей отчизне живой и неподдельный интерес. «Я посетил от Вашего имени г. Веселовского, – писал об этом из Ферне, что близ Женевы, один именитый француз российскому канцлеру А. Р. Воронцову, – добрый старик... воодушевлялся от всего, что я ему рассказывал о его родине, и радость была видна в его глазах и чертах». Некогда крупный дипломат Петровской эпохи, Авраам Павлович Веселовский (1685–1783) с 1730 года обосновался в Швейцарии, где жил достойно и весьма безбедно в кругу любящих домочадцев: женившись в 1741 году вторым браком на француженке Марианне Фабри, он стал отцом четырех дочерей, счастливым дедом и прадедом.

Возвратиться на родину ему предлагала еще русская императрица Елизавета Петровна. А при Екатерине II он получил возможность вернуться в Россию, что называется, на белом коне – с большим почетом. Этого добился для него сам «фернейский патриарх» Вольтер, близкий друг Авраама, нашептал о нем монархине много лестных слов. Знатные русские вояжеры (среди коих были такие знаковые фигуры, как президент Российской Академии княгиня Е. Р. Дашкова и победитель турок, граф А. Г. Орлов-Чесменский) почитали за честь посетить дом Веселовского в Ферне. Но почему же всякий раз, глянув невзначай на портрет великого реформатора Петра I, всегда невозмутимый, сдержанный Авраам Павлович вдруг смешается, задрожит, как осиновый лист?

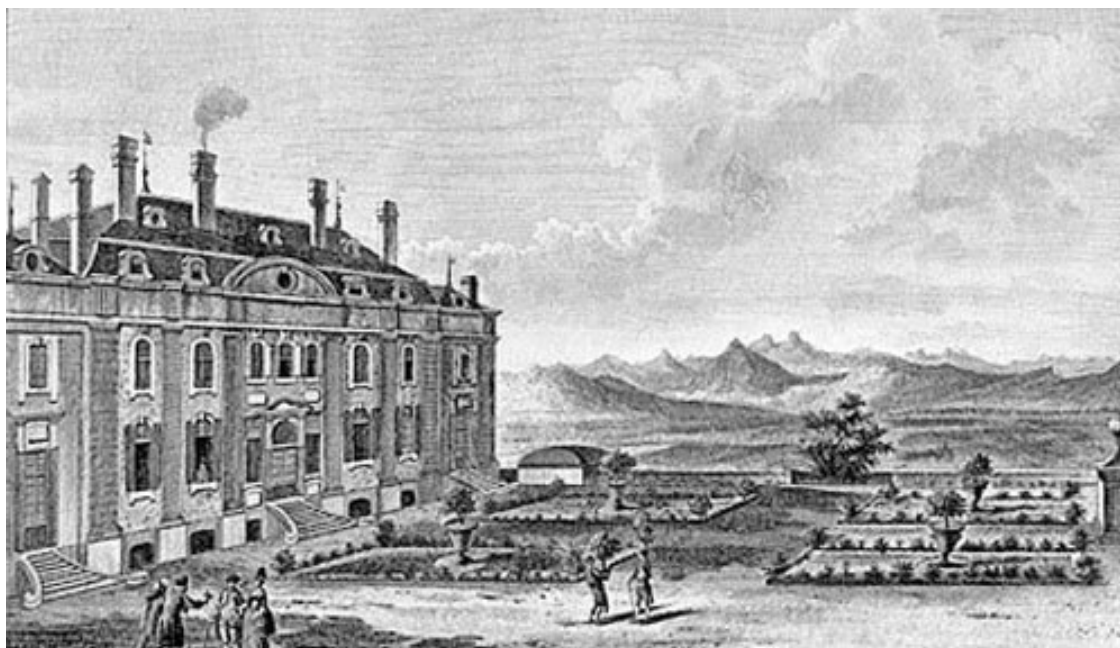
Может статься, в сей миг память властно переносит старца в далекие 1720-е годы, когда положение его, бывшего российского резидента в Вене, было более чем рискованным и опасным. Случилось так, что Авраам Павлович нарушил рескрипт Петра I от 3 апреля 1719 года, где ему предписывалось «с возможным поспешением» вернуться в Россию якобы для направления «с некоторыми комиссиями к другому некоторому двору». Поначалу Веселовский вроде бы и направлялся домой; по пути он свиделся в Берлине с русским посланником А. Г. Головкиным и тайным советником П. А. Толстым, но с тех пор резидента Веселовского и след простыл.

Царь забил тревогу незамедлительно: указание о поиске и аресте беглого Веселовского было тут же разослано всем российским эмиссарам за границей. А весной 1720 года для поимки ослушника в одном из германских княжеств был организован боевой оперативный отряд. Возглавил его военный агент русской армии князь Ю. И. Гагарин, действовавший под именем Вольского. Этому-то Вольскому с сотоварищами и надлежало выследить Авраама Павловича, а затем доставить его в Петербург; в случае же невозможности задержания предусматривался даже вариант убийства бывшего резидента. Дипломатическое прикрытие «боевиков» за границей осуществлял близкий к императору генерал-майор П. И. Ягужинский.

Поначалу ищейки Петра, кажется, напали на след «бездельного крещеного жида», как они его называли. Его будто бы видели в окрестностях Франкфурта-на-Майне, в Гессен-Касселе. Стремясь придать делу законный характер и понимая, что добровольный выезд из страны для западных юристов преступлением не является, царь наказал Вольскому объявить о значительном денежном долге, от уплаты которого якобы скрывался Веселовский. Кольцо вокруг изгнанника, мнилось, вот-вот сомкнется. Но и у Авраама Павловича были свои доброты... Предупрежденный в самый последний момент о западне, он спешно выехал в неизвестном направлении – и был таков!

Вскоре он, однако, объявился в недостижимом для «боевиков» Вольского Лондоне. Петр и здесь не оставил попыток заполучить перебежчика и весьма разгневался, когда

получил с берегов Темзы неутешительный ответ: «Английский король не может исполнить просьбу царя, не нарушая права убежища, которое должно оставаться неприкосновенным у всех народов». Царю напомнили и о том, что Веселовский не был ранее ни судим, ни подвергнут наказанию. И хотя Палата Общин не удовлетворила в ноябре 1724 года петицию Авраама Павловича о его натурализации в Туманном Альбионе, новый эмигрант чувствовал себя здесь в полнейшей безопасности. Отсюда в 1730-е годы он переехал в благословенную Швейцарию, где и нашел свое окончательное пристанище.

Вид предместья Ферне (Швейцария)

Что же заставило Веселовского стать первым в российской истории дипломатом-невозвращенцем?

Эмигрантами, как известно, не рождаются – ими становятся, причем к такому отчаянному решению ведет логика всей предшествующей жизни. А потому рассказ о нашем герое следует начать с его первых шагов.

Можно сказать, что с самого начала карьера Авраама была обречена на успех. Ведь он находился в родстве с блистательным дипломатом эпохи, вице-канцлером, бароном П. П. Шафировым – по некоторым сведениям, приходился тому племянником. Какое-то время Веселовский воспитывался в его доме, и, видимо, именно дядя-полиглот привил ему интерес к иностранным наречиям: Авраам свободно говорил по-немецки и владел латынью. Здесь-то, будучи в гостях у вице-канцлера, и заметил его проницательный Петр, предрекший отроку большое будущее.

Когда юноше минуло восемнадцать, он был направлен за казенный счет в только что открывшуюся в Москве первую в России гимназию. Возглавлял ее происходивший из Мариенбурга пастор Эрнст Глюк (интересно, что именно у него одно время была в услужении Марта Скаврнская – будущая императрица Екатерина I). Познания этого ученого мужа были весьма обширны: он был автором краткой географии на русском языке, русской грамматики и молитвенника, составил славяно-латино-греческий словарь, перевел труды замечательного чешского педагога Я. А. Коменского «Преддверие», «Открытая дверь языков», «Мир чувственных вещей в картинках».

Поражала универсальность предлагаемого гимназией образования: здесь изучали географию и политику, историю и астрономию, латинскую риторику и ифику философию дея-

тельную и картезианскую, танцевальное искусство и «поступь французских и немецких учтивств», фехтование, конное искусство и берейторское обучение лошадей. Особое внимание уделялось языкам (их преподавали учителя-иностранцы). Так, Веселовский штудировал французский, немецкий, латинский, греческий, древнееврейский и даже сирийский и халдейский языки.

Но и этого оказалось мало для пытливого юноши, и для совершенствования в языках он в марте 1705 года направляется в чужие края, где состоит сначала при российском эмиссаре Г. Гюйсене, а затем при видном сподвижнике Петра князе Б. И. Куракине, выполнявшем в то время важные поручения царя по укреплению международного авторитета России (для этой цели ему привелось даже целовать туфлю римскому папе). Под руководством Куракина Веселовский постигал и науку дипломатии. Потому, наверное, вернувшись в Петербург, он сразу же получил назначение в дипломатическое ведомство – Посольскую канцелярию, где с декабря 1708 года начал работать переводчиком. Ему, определенному состоять «у секретных дел», был установлен огромный для той поры оклад – 200 рублей в год.

Во время Полтавской баталии Авраам был уже дьяком Посольского приказа. Он неотлучно сопровождал царя, который в июне 1709 года послал ловкого еврея в Данию с письмом, извещавшим о победе русских над шведами. С 1710 года Веселовский служит в Ижорской канцелярии под руководством «государственных тайных дел министра», светлейшего князя А. Д. Меншикова, при котором занимает очень высокое положение. Современник свидетельствовал: «Ныне Аврам Веселовской... у князя гораздо в милости, и хотя не виден при его светлости, однако ж все дела отправляет».

В 1715 году Веселовский становится резидентом в Вене. По приезде в эту столицу Габсбургской монархии он незамедлительно (уже через пять дней) был принят во дворце самим цесарем Карлом IV. В налаживании связей при Венском дворе он обнаружил свое хитроумие и дипломатический дар – в то время в международной практике это называлось «поиском нужных каналов». Задача нашего героя и состояла в том, чтобы «каналы» эти, так сказать, текли в направлении России, работали бы ей во благо. Примечательно, что он пытался заручиться поддержкой влиятельного обер-гофканцлера графа Цинцендорфа. Тонкий психолог, Веселовский не постеснялся прибегнуть и к коварству: прознав о неукротимой страсти супруги графа к карточной игре, он ссудил ей известную сумму в обмен на важные услуги ее мужа российской короне.

Авраам Павлович не только выполнял посольские обязанности, но, по заданию Петра, подыскивал «нужных людей», ибо молодая Россия как никогда нуждалась в квалифицированных врачах, инженерах, архитекторах и т. д. При этом он стремился привлечь и своих соплеменников, не боясь ходатайствовать об иудеях перед явно не расположенным к ним царем. В одном из писем к монарху Веселовский пишет: «Евреи всегда отличались своими познаниями в медицинской науке, и только благодаря еврейским врачам возможно было успешно бороться со многими лютыми болезнями, между прочим, с лепрой». Венценосец ответил на это письмо так: «Для меня совершенно безразлично, крещен ли человек или обрезан, чтобы он только знал свое дело и отличался порядочностью». Утверждение беспрецедентное, если учесть, что ранее тот же самый Петр называл жидов плутами и обманщиками и категорически запретил им селиться в России! Не исключено, что импульсивный царь поддался здесь обаянию и силе логики своего венского резидента.

А. П. Веселовский

Веселовский неутомим: то он отыскивает для царя ценные книги по юриспруденции; то договаривается с учителями иезуитских школ в Праге о переводе на русский язык универсальных лексиконов, то по просьбе А. Д. Меншикова хлопочет о покупке парадной кареты.

Казалось, дипломатическая фортуна явно к нему благоволила, но произошло событие, нарушившее весьма продуктивную работу резидента. То было знаменитое «дело царевича Алексея», в коем Авраам Павлович вынужден был принять самое деятельное участие. Поскольку «непотребный сын» царя под чужим именем скрылся в Австрии, Веселовскому надлежало разведать о его местопребывании и способствовать его выдаче разгневанному отцу. С декабря 1716 года по июль 1717 года он фактически руководил поимкой царевича. В марте 1717 года Веселовскому удалось, наконец, напасть на его след в Тирольской крепости Эренберг. Резидент пытался добиться выдачи Алексея дипломатическим путем (он вел переговоры и с цесарским принцем Евгением, и даже добился личной аудиенции у самого Карла IV), но все оставалось втуне. Внезапно (возможно, от долговременной езды в экипаже в поисках царевича) «приключилась у Веселовского с жестокою лихорадкою почечуйная болезнь, которой прежде он никогда не имел». Он вынужден был устраниваться от дальнейших действий, а потому заслуга по возвращению царевича в Северную Пальмиру приписывается другим эмиссарам царя – А. И. Румянцеву и П. А. Толстому, доведшим дело до конца.

Чем же руководствовался Веселовский во время событий вокруг несчастного сына Петра I? Забавно, что в оценке поведения нашего героя сходятся во мнениях исследователи полярно противоположных взглядов. Так, историк-почвенник Н. Н. Молчанов по существу обвиняет Авраама в потворстве Алексею и в его укрывательстве. Веселовский предстает в его книге «Петр I» (М., 2003) опасным интриганом. «Ясно, что эти [Веселовского. – Л. Б.] интриги, – резюмирует Н. Н. Молчанов, – осуществлялись не в пользу Петра, иначе бывший резидент не побоялся бы вернуться на родину». В этом же духе высказывается и израильский писатель Д. Маркиш в своей книге «Еврей Петра Великого, или Хроника из жизни прохожих людей» (Спб., 2001). Он живописует сцену, где Веселовский будто бы прямо предупреждает царевича об опасности: «Поберегите себя, Ваше Высочество, не выезжайте без охраны из Эренберга, чужих к себе не допускайте! И не возвращайтесь в Россию до срока...» Авраам Павлович вызывается даже послать по своим «каналам» (писатель тоже употребляет это слово!) лекарство для телесной крепости опальной матери Алексея, Е. Ф. Лопухиной, сосланной Петром I в суздальский монастырь.

Трудно поверить приводимым Д. Маркишем фактам: то в Суздале вдруг объявляется некто Янкель, спешащий по заданию Веселовского свидетельствовать с Лопухиной, то самому венскому резиденту какой-то продавец кошерного мяса Рувим приносит тайное письмо от другого еврея, П. П. Шафирова, где тот предупреждает Авраама о грозящей опасности.

На самом же деле и Шафиров, и Веселовский привыкли жить в нееврейском окружении и имели мало общего с религиозными иудеями. Достаточно сказать, что Авраам Веселовский был не просто выкрестом, но и дважды перекрещенцем – сначала в православие, а затем в протестантство. Это, понятно, не исключало свойственной им, как и всем евреям, солидарности со своими соплеменниками, стремления облегчить их участь в антисемитской стране. Но все-таки во главу угла ими были поставлены интересы России, и именно с ними эти два придворных еврея пытались примирить свое национальное чувство. А потому весьма сомнительно, что фактический глава российского дипломатического ведомства Шафиров призывал своего помощника Веселовского не подчиняться приказам Петра I и стать невозвращенцем, что приравнивалось в то время к государственной измене. К тому же Шафиров сыграл зловещую роль в расправе над царевичем Алексеем, которому нисколько не сочувствовал.

По-видимому, независимо от того, виновен ли был Веселовский в глазах царя или нет, прослышав о многочисленных жестоких казнях по сему делу (ведь известно, лес рубят – щепки летят!), он убоился возвращаться в Петербург.

Царевич Алексей

Живя долгие годы в эмиграции, он довольствовался лишь весточками с родины, до которых, впрочем, был охоч. В России сменились уже восемь императоров: Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Иоанн VI, Елизавета Петровна, Петр III, наконец, Екатерина II, а Авраам Павлович так и не предпринимал попыток туда вернуться, он свыкся с ролью наблюдателя издалека. Почему? Именно этот вопрос задал Веселовскому посетивший его в Швейцарии граф А. Г. Орлов-Чесменский, на что получил ответ: «На родину я вернусь только тогда, когда в ней утратят силу три пословицы: «Без вины, а виноват», «Хоть не рад, да готов», «Божье да Государево». Авраам Павлович тем самым возвышает свой голос против незащищенности прав личности («Без вины, а виноват»), рабской угодливости («Хоть не рад, да готов»), всеисилия авторитарной власти («Божье да Государево»). А это ставит Веселовского в ряд политических беженцев из России и роднит его с нашими эмигрантами третьей волны...

Из уважения к памяти видного дипломата император Александр I в 1803 году назначил дочери Веселовского пенсию в сто голландских дукатов. Другие потомки Авраама также получали субсидии от русского двора вплоть до 1843 года, то есть и при правлении явно не благоволившего к евреям Николая I. Как видно, наш опальный невозвращенец был после смерти полностью реабилитирован, а его заслуги перед родиной получили достойное признание.

II. Ментор для наследника престола Исаак Веселовский

Вот парадокс: еврей Исаак Павлович Веселовский (1690–1754) обучал русскому языку будущего императора православной России – Петра III! При этом поражало не столько его безукоризненное лингвистическое чутье (в конце концов, он родился в Москве, и русский язык был для него родным), сколько произошедшая с Исааком метаморфоза. Ведь в гимназии Эрнста Глюка, учеником которой (вслед за старшим братом Авраамом) он был, Исаак слыл нерадивым учеником и первостатейным проказником, за что часто подвергался наказанию розгами. Но уже тогда, в школьные годы, сей шаловливый отрок отличался смышленостью и тонким юмором, а впоследствии стал одним из оригинальнейших умов своего времени. Его искрометные остроты и каламбуры молниеносно передавались из уст в уста...

Как и брат, он был полиглотом и определился по дипломатической части, начав в 1707 году службу в Посольском приказе переводчиком немецкого и латинского языков. Карьера у Исаака Павловича задалась, и уже в 1709 году он был направлен в российское посольство в Пруссию, а в январе 1710 года – в Данию. Познания и опыт Веселовского, приобретенные в этих странах, оказали неоценимую помощь царю во время его второго великого путешествия по Европе в 1716–1717 годах, в ходе которого Россия намеревалась заключить союз с Пруссией и Данией против Швеции. Кроме того, царь высоко ценил поистине виртуозное владение Веселовским французским языком и, находясь в Париже, часто использовал его как толмача.

Вероятно, уже тогда, в путешествии, наш герой сблизился с Петром, иначе трудно объяснить его дальнейший взлет: с 1718 года он был назначен секретарем и одновременно главой Иностранной экспедиции Посольской канцелярии, а с февраля 1720 года – секретарем всей Коллегии Иностранных дел.

Однако дипломатическая Фортуна отвернулась от него, когда вышло наружу бегство его опального брата. Петр незамедлительно перевел Исаака Павловича на самую рядовую должность в значительно менее престижную Берг-коллегию. Но, видимо, скоро поняв, что горно-заводское дело бесконечно далеко от устремлений бывшего дипломата, царь смиловился и решил использовать его лингвистические познания. Петр доверил ему обучать французскому языку своих августейших дочерей, цесаревен Анну и Елизавету. Если учесть, что монарх прочил Елизавету в жены французскому королю, можно с уверенностью сказать, что знанию сего предмета он придавал первостепенное значение и относился к нему с большим пиететом. Веселовский приобщал цесаревен к французской совесности и культуре в течение целых трех лет – с июня 1722 по июнь 1725 года! Не здесь ли следует искать истоки той галломании, которая впоследствии заполонит двор будущей императрицы Елизаветы Петровны?

В 1726 году мы видим Исаака Павловича уже на Кавказе, в армии, при ставке генерал-аншефа князя В. В. Долгорукова, командующего Низовым (Персидским) корпусом. Образованный еврей выполнял при нем обязанности секретаря. Замечательный военачальник, Долгоруков присоединил к русским владениям Кергерутскую область, Астару, Ленкорань и Кызыл-Агач и как раз в 1726 году за свои ратные подвиги получил (причем, во второй раз) высшую награду России – орден Св. Андрея Первозванного, а в 1728 году был удостоен чина генерал-фельдмаршала. Секретарь же его Веселовский не только не был награжден, но, отпущенный из Гиляни (Персия) в отпуск осенью 1727 года, в июне 1728 года был арестован и схвачен в Коломне, недалеко от Москвы.

Оказалось, что Исаак замешан в так называемом деле княгини А. П. Бестужевой (Волконской), бывшей в то время владелицей первого в России светского салона. Он особенно

близко приятельствовал с родным братом Бестужевой, Алексеем Петровичем, бывшим тогда русским резидентом в Копенгагене, и через него сошелся с княгиней. Пристанищем ее друзей (в число коих входил и Веселовский) стал небольшой дом Асечки Ивановны (так они называли Бестужеву) на Адмиралтейском острове, в Греческой улице. Среди завсегдатаев салона, помимо нашего героя, были фаворит Елизаветы Петровны, будущий генерал-фельдмаршал А. А. Бутурлин, камергер Екатерины I С. А. Маврин, знаменитый арап Петра Великого Абрам Ганнибал, сенатор Ю. С. Нелединский и др. «Как это часто бывает в молодежных компаниях, – говорит историк, – друзья создали некий собственный мир шуточных отношений, со своими обычаями, смешными церемониями, словечками и прозвищами. Они любили собираться вместе, поболтать, потанцевать, выпить вошедшего в моду «кофею». Впрочем, сотоварищей объединяло еще одно свойство – все они (каждый по своим резонам) ненавидели могущественного тогда светлейшего князя А. Д. Меншикова, на чей счет постоянно чесали языки.

Князь А. Д. Меншиков

Болтовня-то и погубила салон Бестужевой. Как-то раз Асечка принесла из дворца свежую сплетню: Меншиков возжелал женить наследника престола Петра Алексеевича (будущий Петр II) на своей дочери Марии. Услышав это, друзья, не церемонясь в выражениях, костерили светлейшего, узурпировавшего власть в стране.

Узнав об этом, Меншиков незамедлительно расправился и с Асечкой, и с ее неосторожными товарищами. Бестужевой было велено ехать в ее подмосковную деревню, Ганнибала отправили в сибирскую глухомань, Маврина и Бутурлина понизили в должности. Веселовский, важных улик против коего не нашлось, был все же для острастки снова выслан в Гилян, а в августе 1730 года (уже после низвержения и смерти Меншикова) переведен в Дербент.

Императрица Елизавета Петровна

Здесь-то его застал высочайший указ императрицы Анны Иоанновны о его новом назначении секретарем канцелярских дел при Низовом (Персидском) корпусе, теперь уже под водительством генерал-майора И. И. Бибикова. При этом Исаак Павлович получил чин коллежского асессора. Далее он поступил в распоряжение главнокомандующего русских войск в Персии герцога Л. Г. Гессенгомбургского, разбившего с большим преимуществом в 1733 году непокорные орды татар и крымцев. Но на исходе того же 1733 года герцог был отозван в Петербург, а Веселовский продолжал отбывать ссылку: теперь уже в Астрахани и Царицыне. Из бумаг видно, что ему много лет не выплачивали жалованья. Освобожден он был только в октябре 1740 года, а в марте 1741 года отставлен от службы, как он писал, «за немощию».

Но «немошь» сразу же покинула Исаака Павловича, как только на российский престол взошла Елизавета Петровна. При ней вновь начался стремительный взлет карьеры Веселовского, далеко превзошедший его прежние дипломатические успехи. Императрица с благодарностью относилась к своему бывшему учителю французского и весьма к нему благоволила. Помнил о нем и его прежний товарищ, а ныне кабинет-министр, канцлер А. П. Бестужев, ставший при Елизавете одним из самых влиятельных вельмож при дворе.

Уже в декабре 1741 года коллежский асессор Веселовский был произведен в действительные статские советники, перемахнув тем самым через целых четыре ступени в «Табели о рангах». «В титуловании подобное изменение, – говорит израильский историк С. Ю. Дудков, – вознесло баловня судьбы из заурядного «ваше благородие» в почти «небожителя» – «ваше превосходительство». Востребованным оказался и его талант дипломата: Исаака Павловича назначили главой Секретной экспедиции Коллегии Иностранных дел. Как истый государственный, он вновь с головой ушел в любимую работу: принимал деятельное участие в переговорах со Швецией в 1743 году и с Англией в 1744–1745 годах; в 1744 году ратовал о постройке укрепленных линий в Сибири для защиты от набегов кочевых инородцев; был инициатором союза России с Саксонией против усилившейся Пруссии. В 1745 году Веселовский был произведен в тайные советники, а в 1746 году ему был пожалован орден Св. Александра Невского.

В 1742 году императрица приставила дипломата к наследнику престола Петру Федоровичу для обучения его русскому языку, которым тот, живя в Голштинии, не владел. По-видимому, ментором Исаак Павлович был превосходным, поскольку уже через год занятий великий князь свободно изъяснялся по-русски. Об этом свидетельствует дошедшее до нас ученическое сочинение венценосного отрока, переведенное им самим с немецкого языка на русский и датированное 1743 годом. Конечно, письменный русский язык наследника был далек от идеального, но не забудем, что и исконно русские люди (в том числе и придворные) писали порой с еще большими ошибками.

«Самый умный человек в России» (так назвал его один именитый иностранец), Исаак Павлович жил передовыми идеями эпохи. Он был завзятым книголюбом и напряженно следил за современной ему мировой словесностью. Так, «тема новейшей французской литературы, – свидетельствует историк В. С. Люблинский, – пронизывает его [Веселовского. – Л. Б.] деловую корреспонденцию столь настойчиво, что заслуживает специального изучения».

И впрямь, обратившись к эпистолярному наследию Исаака, мы почти в каждом письме найдем упоминания не только о Монтене, но и о П. Бейле, Вольтере и Ж.-Ж. Руссо, о многих других современных ему литераторах. При этом наш герой обнаруживает завидную осведомленность в текущих культурных событиях Европы. Он, к примеру, весьма оперативно отзывается на арест Вольтера во Франкфурте в 1752 году, проявляя солидарность с писателями-философами. Симптоматично в этой связи, что «западник» Веселовский, заручившись поддержкой канцлера, поспособствовал снятию ограничений на ввоз иностранных книг в Россию. В результате эти издания стали регулярно поступать в книжные лавки Москвы и Петербурга. «Книг французских... – с удовлетворением писал Исаак Павлович графу М. И. Воронцову в 1753 году – на последних осенних кораблях надобно ожидать».

Император Петр III

Веселовский не побоялся перед лицом монархини-юдофобки настойчиво ходатайствовать о судьбе своих соплеменников (как некогда его старший брат хлопотал о них перед ее великим отцом). Какие только резоны он не приводил, объясняя все выгоды жительства евреев в Российской империи! Он склонил на свою сторону даже канцлера Бестужева. Но императрица была неумолима, она не пожелала отменять свой известный указ от 13 декабря 1742 года о высылке всех жидов из Малороссии, бросив свою знаменитую фразу: «От врагов Иисуса Христа не желаю интересной прибыли!» Как же отреагировала ненавистница иудеев Елизавета на это «дерзкое» прошение крещеного еврея? Во всяком случае, она его не наказала, не подвергла опале, демонстрируя лично к нему свою прежнюю приязнь. Может быть, она не видела, не хотела видеть в своем бывшем учителе врага Христа. Скорее всего, Елизавета приняла его настойчивость за проявление наивного благодушия, впрочем, извинительного для христианина.

Справедливости ради надо сказать, что при сей императрице Веселовский находился в полной безопасности и был надежно защищен от происков неприятелей. А придворным интригам он отнюдь не был чужд. Одна из них – склока графа М. И. Воронцова и канцлера Бестужева, в которой Исаак Павлович занял сторону Воронцова (хотя в прошлом и дружил с канцлером). Описывать все перипетии борьбы и противостояния этих знатных мужей мы не будем. Отметим только, что доведенный до бешенства канцлер настроил на Веселовского

верноподданнический извет, в котором доносил, что на одном из дипломатических приемов тот (о, ужас!) отказался пить за здоровье государыни. «... Один только Веселовский, – докладывал Бестужев, – полон пить не хотел, но ложки с полторы и то с водою токмо налил и в том упрямо перед всеми стоял, хотя канцлер из верности Ея Императорскому Величеству и из стыда перед послами ему по-русски и говорил, что он должен сия здравие полным бокалом пить, как верный раб, так и потому, что ему от Ея Императорского Величия много милости показано пожалованием его из малого чина в столь знатный». Ясно, что Бестужев мнил подвести Веселовского под уголовную статью об оскорблении Величества (за что в прежние царствования пытали в Тайной канцелярии). Но не вышло: Елизавета полностью проигнорировала донос и осыпала Исаака Павловича новыми милостями.

В последние годы тайный советник Веселовский часто проводил дни в тиши своего кабинета за любимыми книгами. Читал он чрезвычайно быстро. И спешил: видно, не хотел упустить в жизни то, что обогащает разум и возвышает душу. Он покинул мир в сентябре 1754 года еще не старым – 64-х лет от роду. Место захоронения его неизвестно.

III. Возвращение резидента Федор Веселовский

Будучи русским резидентом в Лондоне, еврей Федор Павлович Веселовский (ум. до 1776) добился возведения в английской столице православного храма – первого на Туманном Альбионе. Поистине, неисповедимы пути Господни!

Год рождения этого адепта православия неизвестен. Историк Д. О. Серов высказал предположение, что он был близнецом Исаака Веселовского. Так же, как и брат, он обучался в гимназии Э. Глюка (причем, тоже слыл изрядным шалуном), а затем был принят в Посольский приказ переводчиком немецкого и латинского языков. И, подобно жизни братьев Авраама и Исаака, жизнь Федора была исполнена драматизма: бурные взлеты чередовались в ней со столь же стремительными падениями.

Князь Б. И. Куракин

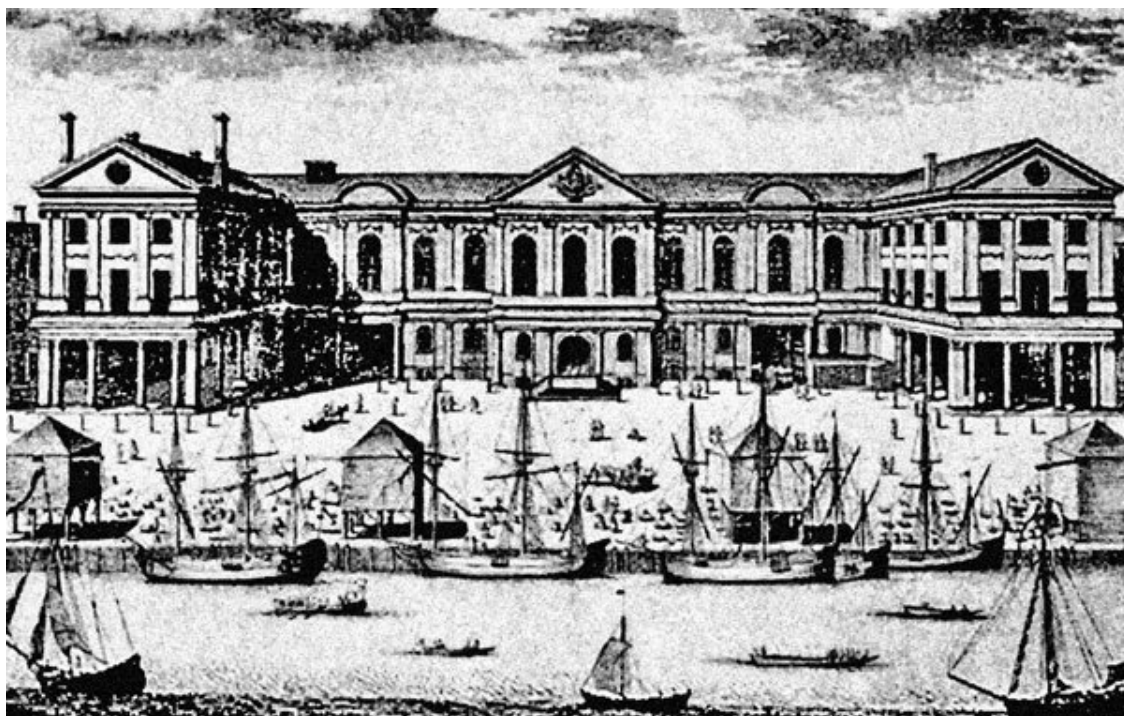
Поначалу карьера Федора Веселовского складывалась блистательно. Ему довелось служить под началом «державы Российской посла» князя Б. И. Куракина. Классический русский аристократ, выдающийся деятель своего времени, Куракин был опытным дипломатом и отличался эрудицией, широтой интересов, холодным ироничным умом и пылким темпераментом. Он сразу же оценил и приблизил к себе Федора, и тот был всегда рядом со

своим патроном. В 1707 году они отправляются в Рим, к папе Карлу XI, с заданием добиться непризнания Станислава Лещинского польским королем. Вместе с Куракиным туфлю его святейшества целовал тогда и юный Веселовский. Переговоры увенчались успехом, и после завершения миссии эти двое москвитов исколесили всю Европу, останавливаясь в Венеции, Вене, Гамбурге, Амстердаме. Впрочем, путешествие их отнюдь не было праздным: они пытались воспрепятствовать вербовке наемников в шведскую армию, в чем тоже преуспели. В январе 1710 года Федор сопровождает Куракина, получившего должность полномочного министра, в Ганновер, где они ведут длительные переговоры с курфюрстом Георгом Людовиком. Благодаря усилиям Куракина и Веселовского была подписана союзная конвенция, обеспечившая гарантии дружественного нейтралитета курфюршества по отношению к России и ее союзникам.

В 1712 году Федор Павлович, уже в ранге секретаря посольства, был направлен в Гаагу, где они вместе с Куракиным пытались склонить Голландию к союзу с Россией против Швеции. Находясь в должности секретаря, Веселовский получает возможность и своего профессионального роста как дипломата – он уже обладает даром мыслить не только в масштабах отдельных стран, но и охватывать разом всю европейскую систему международных отношений. Постепенно Федор обрывает нужными связями среди государственных деятелей Европы, превосходно ориентируется в современной ему политической обстановке.

Наконец, наш герой выходит из тени Куракина и начинает вполне самостоятельную деятельность на дипломатическом поприще. В апреле 1716 года он направляется в Лондон, где вначале исполняет обязанности резидента при английском дворе, а в июне 1717 года официально получает эту высокую должность. Помимо непосредственных посольских обязанностей, Веселовский занимается вербовкой квалифицированных специалистов, заключением выгодных для России торговых контрактов. Федору Павловичу было доверено от имени Синода вести ответственные переговоры о слиянии русской и англиканской церквей. Приходилось резиденту и приглядывать за оказавшимися в Лондоне шумливыми русскими студиязусами.

Казалось бы, положение его было как нельзя более прочным и надежным. Но тут набравшая обороты карьера Веселовского вдруг рухнула в одночасье! Ведь в резиденции русского посланника в Лондоне нашел пристанище его беглый брат Авраам. Прознав об этом, российские власти немедленно отстранили Федора Павловича от британских дел, назначив на его место нового резидента, М. П. Бестужева. Последнему было приказано объявить Федору Павловичу, чтоб он «к двору Датскому немедленно ехал». В случае же его неповиновения Бестужеву предписывалось «трудиться пристойным образом, дабы Веселовский в Англии заарестован был, объявля причину, что он многие наши деньги имел при себе, а отчету не учинил».

Здание Лондонской таможни

Почувяв неладное, Федор ответил на приказ ехать в Данию категорическим отказом. «Очевидно вижу, – с горечью писал он, – что отзыв мой от сего двора и посылка моя в Копенгаген ни для какой причины, ниже в иное намерение чиниться токмо для брата моего Авраама, за которого определен быть страдателем, и вижу ясно, что намерение положено по прибытии моем в Копенгаген, бросить меня на корабль и отвести в С.-Петербург, и чрез жестокое и страдательное истязание о брате моем – хотя сведом или не сведом – спрашивать... Страх сей видимой и бесконечной моей беде привел меня в такое крайнее отчаяние, что я, отрекшись от всех благополучия сего миру, принял ныне резолюцию ретироваться в такой край Света, что обо мне ни памяти, ни слуха не будет, и таким образом dokonчаю последние несчастные дни живота моего хотя в крайнем убожестве и мизере, но спокойною совестью и без страдания». Впрочем, жизнь его на этом не кончилась (он проживет еще добрых пять десятков лет!), да и «ретироваться» на край света он не пожелал, а, как и его старший брат, стал невозвращенцем и обосновался в респектабельном Лондоне.

Лондон. Собор Святого Павла. XVIII век

Царь Петр долго не мог простить английскому правительству покровительства, оказанного Аврааму и Федору на проекте 1724 года о примирении России и Великобритании он собственноручно начертал, чтоб «Веселовские нам отданы были, понеже как в издержании денег, так и в иных вверенных им делах многое противу делали и требует розыску». Англия, однако, так и не выдала России беглых дипломатов.

Не знаем, тосковал ли Федор по русским березкам или по одетому в гранит Петербургу, только ностальгия разъедала его душу сильнее, нежели у старшего брата. С жизнью на чужбине он так и не свыкся и неоднократно ходатайствовал перед российскими властями о возвращении на родину. Еще при императрице Анне Иоанновне он начал посылать ценные сообщения вице-канцлеру, графу А. И. Остерману о внутривосточном положении Англии, парламентских новостях, событиях придворной жизни и т. д. Он заверил графа в желании «употребить последние дни живота своего к услугам отечества... яко верному и всякому доброму подданному надлежит». Историк С. Ю. Дудаков даже полагает, что Веселовского намеренно не спешили впускать в Россию потому, что такой важный «канал» информации «был нужен правящей верхушке именно в Лондоне».

Но Федор Павлович продолжал упрямо рваться в Россию. «Сегодня приходил ко мне бывший прежде сего при англиском дворе резидент Ф. Веселовский, – доносил в реляции из Лондона в январе 1742 года русский посланник А. Д. Кантемир, – прилежно меня просил, чтоб я всенижайше исходатайствовал ему позволение возвратиться в отечество свое и употребить остатки жизни своей в службе вашей сродной своей государыни. Оную такую высочайшую милость ожидает от сродного вашего ко всем своим поданным великодушия. Дела вашим было бы не бесполезно, чтоб отсюда вызвали человека, которой один русскому языку здесь искусен и иногда в разбирании цифирей употреблен быть может». Не о чтении ли тайных дипломатических шифров здесь идет речь?

И вот радость: в ноябре 1742 года наконец была получена высочайшая резолюция Елизаветы. В ней предписывалось: «На оное его [Веселовского. — Л. Б.] прошение всеимостию соизволяем, того ради вы ему о таком... позволении надлежащим образом объявить и к возвращению его сюды всякое вспоможение чинить изволите».

Федор Павлович возвратился в Россию в начале 1743 года. Он ходатайствовал, чтобы его приняли на службу «особливо в иностранных делах, в которых чрез многие лета обращался». Но взбалмошной и прихотливой императрице пришло в голову использовать его по придворному ведомству (напомним, что в то же самое время его брат Исаак находился при особе великого князя). Искушенный в европейском политесе, Веселовский стал (пожалуй, первым в истории!) евреем-церемониймейстером императорского двора – чин немалый, равный армейскому бригадиру (выше полковника и ниже генерала). На этом посту Веселовский находился до 1752 года, после чего был уволен в отставку с присвоением звания генерал-майора.

О последних годах его жизни известно немного. Дипломатические его способности при Елизавете так и остались невостребованными, если не считать порученных ему в 1757 году переговоров с Вольтером о написании этим великим французом истории царствования Петра Великого. Федор Павлович для сей цели отправился в Женеву где, между прочим, свиделся и со своим опальным братом Авраамом.

А. П. Лосенко. Портрет И. И. Шувалова. 1760

В Петербурге Веселовский сближается с фаворитом Елизаветы, замечательным просветителем и меценатом И. И. Шуваловым. Последний привлекает его, как человека энциклопедически образованного, в недавно основанный Московский университет – куратором,

и Федор служит там с августа 1760 по ноябрь 1762 года. Труды его были отмечены государыней, которая в 1761 году пожаловала Веселовского в кавалеры ордена Св. Александра Невского. В отставку он был уволен с присвоенным ему высоким чином тайного советника. Умер Федор Веселовский уже при императрице Екатерине II, прожив без малого девять десятков лет.

* * *

В истории прославились и потомки клана Веселовских, так же проявившие себя на гуманитарном поприще. Наиболее выдающиеся из них: академик Петербургской Академии наук А. Н. Веселовский (1838–1906) – представитель сравнительного литературоведения, основоположник исторической поэтики; археолог и востоковед, профессор Н. И. Веселовский (1848–1918); академик Академии наук СССР, крупнейший специалист в области социально-экономической истории России и источниковедения С. Б. Веселовский (1876–1952); историки экономист, профессор Б. Б. Веселовский (1880–1954). Все они отмечены печатью яркого таланта, завещанного им далекими предками.

Главный самоед империи Ян Лакоста

Когда-то, в лихие девяностые, известный российский политик Александр Лебедь придумал забавный оксюморон – «еврей-оленовод». И ведь не ведал тогда этот генерал-остроумец, что совсем скоро охотники и оленеводы выберут начальником Чукотки еврея Романа Абрамовича. Еврейская жизнестойкость, однако (прости, читатель, но без этого «однако» не обходится ни один анекдот про чукчей!), оказалась не только востребованной, но и удивительным образом созвучной чаяниям заполярных аборигенов. Но Абрамович был не единственным евреем в России, правившим северным народом – в позапозапрошлом веке император Петр Великий пожаловал своему любимому шуту, этническому еврею Яну Лакосте (1665–1740), титул короля другого «морозоустойчивого» племени – самоедов. Кем же был Лакоста и за какие-такие заслуги он удостоился чести главенствовать над самоедами?

Известно, что Ян был потомком маранов, бежавших из Португалии от костров инквизиции. Он родился в г. Сале (Северная Африка). До шестнадцати лет наш герой путешествовал, а затем с отцом и братьями обосновался в Гамбурге, где открыл маклерскую контору. Но торговля у него не задалась, доставляя одни лишь убытки. Обладая изысканными манерами версальского маркиза, Лакоста принялся было давать уроки всем «желающим в большом свете без конфузу обращаться зело премудреную науку, кумплименты выражать и всякие учтивства показывать, по времени смотря и по случаю принадлежащие». Но и политес оказался делом неприбыльным. И тогда Ян решил «на ловлю счастья и чинов» отправиться в далекую Московию. Согласно одной из версий, он получил от русского резидента в Гамбурге разрешение приехать туда.

Ян Лакоста

Есть на сей счет и весьма авторитетное свидетельство друга Лакосты, лейб-медика при русском дворе Антонио Нуньеса Рибейро Санчеса: «Когда Петр Первый, император России, был проездом в Гамбурге, кажется, в 1712 или 1713 году Коста ему был представлен. Петр Первый взял его с собой... вместе с женой и детьми».

И в том, и в другом случае Ян (или, как его стали величать, Петр Дорофеевич) мог поселиться в России только при одном условии: его отказе от религии отцов.

Лакоста не был религиозным иудеем, значился католиком и потому-то беспрепятственно достиг Северной Пальмиры, а вскоре был принят на службу к русскому царю. «Смешные и забавные его ухватки, – говорит описатель «Деяний Петра Великого» И. И. Голиков, – полюбили Государю, и он был приобщен к числу придворных шутов».

Назначая забавником еврея, ведал ли Петр о давней традиции живописать шута, равно как и иудея, отрицателем Бога? Причем образы эти подчас замещали друг друга. Ведь в

патристике евреи иногда отождествлялись с шутами, да и в средневековой иконографии они представлены буффонами, глумящимися и насмехающимися над мучимым Христом. По логике таковых ревнителей благочестия, шута и еврея объединяло то, что оба они погрязли в грехе, оба заправские мошенники, оба похотливы и обладают повышенной сексуальностью. И в визуальном искусстве той поры буффон и иудей облачены в одинаковую (и дьявольски отвратительную) одежду, в том же головном уборе, и несут в себе все внешние атрибуты демонизма. Характерно, что на картине Иеронима Босха «Корабль дураков» один из шутов наделен характерным еврейским символом. А в Московии, во время расправы над так называемыми «жидовствующими» в XV веке, церковные ортодоксы наряжали их скоморохами и со словами «Се есть сатанинское воинство» возили по новгородским улицам. Впрочем, русский царь был сам главным шутником эпохи, и если даже был наслышан о подобных аллюзиях, ему не было решительно никакого дела до мнений оголтелых поборников старины – он издевался над ними и... грубо вышучивал.

А вот широчайшая эрудиция Петра Дорофеевича самодержца и впрямь покорила. Новоявленный шут свободно говорил на испанском, итальянском, французском, немецком, голландском и португальском языках. Был весьма сведущ в вопросах религии: цитировал наизусть целые главы из Священного Писания и вел с монархом бесконечные богословские дебаты. Находившийся при русском дворе голштинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц вспоминает: «Я услышал спор между монархом и его шутом Лакостой, который обыкновенно оживляет общество... Дело было вот в чем: Лакоста говорил, что в св. Писании сказано, что «многие придут от востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом»; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано?». Тот отвечал, в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библией и вскоре возвратился с огромною книгою, требуя, чтобы Лакоста отыскал ему то место; шут отозвался, что не знает, где находятся эти слова. «Все вздор, там этого нет», – отвечал государь». В этом диспуте прав, однако, оказался Лакоста, ибо он привел по памяти слова Иисуса из Евангелия от Матфея (Матф. 8:11). Смысл сего пророчества в том, что языческие народы признают учение Христово, а Израиль, то есть еврейский народ, христианства не примет.

Но едва ли выкрест Лакоста пытался приобщить Петра I к иудейской вере, как об этом рассказывает в своей повести «Еврей Петра Великого...» (2001) израильский писатель Давид Маркиш. Он рисует прямо-таки фантастическую картину: Лакоста, Шафиров, Дивьер и откупщик из Смоленска Борух Лейбов вместе празднуют Песах и побуждают русского царя надеть на голову ермолку, что Петр, кстати, без колебания делает. Сомнительна не только эта сцена, но и само существование в Петербурге начала XVIII века какой-то особой еврейской партии, покровительствующей своим соплеменникам и крепко спаянной корпоративными или религиозными интересами. Достаточно сказать, что иудей Борух Лейбов, облыжно обвиненный в прозелитизме, будет впоследствии сожжен на костре. К эпохе Петра I относится и первый случай кровавого навета в России (местечко Городня на Черниговщине, 1702 год).

Лакоста обладал внешностью сефарда; у него было умное и волевое лицо. «Он был высокого роста, – рассказывает его друг, тоже потомок маранов, лейб-медик императрицы Антонио Рибейро Санчес, – сухощавый, смуглый, с мужественным голосом, резкими чертами лица». И современники, и позднейшие биографы не забывали о еврейском происхождении Петра Дорофеевича. Историк С. Н. Шубинский, характеризуя Лакосту, замечает: «Свойственная еврейскому племени способность подделаться и угодить каждому доставила ему место придворного шута». Думается, однако, что Петр обратил на него внимание не за эти качества (присущие, кстати, не только евреям, но и всему роду человеческому), а, напротив, – за бескомпромиссность и прямоту. Он был исполнен достоинства, грозного царя-батюшку звал кумом, с сановниками разговаривал на равных, деликатностью и тонкостью обращения

изумляя природных россиян. Лакоста называл вора вором, без обиняков высмеивал пороки и злоупотребления придворных, а когда те жаловались на бесцеремонное поведение шута, царь невозмутимо отвечал: «Что вы хотите, чтобы я с ним сделал? Ведь он дурак!»

Нередко Петр Дорофеевич в своей скоморошеской роли выступал своего рода дублером царя. Известно, что он помогал монарху резать боярам полы кафтанов и стричь ветхозаветные бороны.

Лучше Лакосты никто не мог ненавязчиво напомнить подданным о благе государства, о былых победах и достижениях. Неистощимое остроумие этого шута вошло в пословицу – он стал героем многочисленных литературных и околослитературных анекдотов. В них рассказывается о неизменной находчивости Петра Дорофеевича в любых житейских передрягах. Вот лишь некоторые примеры.

Лакоста пускается в морское путешествие, и один из провожающих его спрашивает: «Как ты не страшишься садиться на корабль – ведь твой отец, дед и прадед погибли в море!?» «А твои предки каким образом умерли?» – осведомляется Лакоста. «Преставились блаженною кончиною на своих постелях». «Так как же ты, друг мой, не боишься каждую ночь ложиться в постель?»

Один придворный спрашивает Лакосту почему он разыгрывает из себя дурака. Шут отвечает: «У нас с вами для этого разные причины: у меня недостаток в деньгах, а у вас – в уме».

Лакоста в церкви ставит две свечи: одну перед образом Архангела Михаила, а другую перед демоном, которого Архангел попирает своими ногами. К нему тут же обращается священник: «Сударь! Что вы сделали? Вы же поставили свечу дьяволу!» «Ведь мы же не знаем, куда попадем, – невозмутимо отвечает Лакоста, – так что не мешает иметь друзей везде: и в раю, и в аду».

Лакоста прожил много лет со сварливой женой. Когда исполнилось двадцать пять лет со дня их женитьбы, друзья просили его отпраздновать серебряную свадьбу. «Подождите, братцы, – предлагает шут, – еще пять лет, и мы отпразднуем Тридцатилетнюю войну!»

Жена Лакосты ко всему прочему была мала ростом. «Почему, будучи разумным человеком, ты взял в жены такую карлицу?» – спрашивают его. «Когда я собирался жениться, то заблаговременно решил выбрать себе из всех зол самое меньшее», – парирует шут.

Лакоста якобы принял православие. Через шесть месяцев его духовнику сказали, что шут не исполняет никаких церковных обрядов. Духовник призвал новообращенного к себе и стал корить. «Батюшка, – отвечал Лакоста, – когда я сделался православным, не вы ли сами мне говорили, что я стал чист, словно переродился?» «Правда, говорил, не отрицаюсь». «А так как тому не больше шести месяцев, как я переродился, то можно ли требовать чего-нибудь от полугодовалого ребенка?»

Имея с кем-то тяжбу, Лакоста часто наведывался в одну из коллегий, где судья, наконец, однажды говорит ему: «Из твоего дела я, признаться, не вижу для тебя хорошего конца». «Так вот вам, сударь, хорошие очки», – отвечал шут, подав судье пару червонцев.

Мы выбрали наудачу лишь несколько забавных эпизодов из жизни Петра Дорофеевича. Некоторые из них – плод безудержной фантазии (как и появившиеся в XIX веке анекдоты о проделках шута Ивана Балакирева). Но есть и истории, не только имеющие под собой документальную основу, но и ярко свидетельствующие об отношении Петра Великого к своему любимому шуту. Говорится, в частности, о ненависти Лакосты к гофхирургу И. Г. Лестоку. И действительно, влиятельный хирург соблазнил дочь шута. Какую же позицию занял в этом конфликте царь Петр Алексеевич? Он принял сторону отца поруганной дочери и жестоко наказал обидчика, сослав в 1718 году Лестока в Казань под крепкий караул и без права переписки (тот был возвращен из ссылки уже только в царствование Екатерины I). Историк

С. М. Соловьев замечает по этому поводу, что Лакоста был главным шутком государя. А у Петра, между прочим, было не менее дюжины шутов.

Есть искус окунуться в ту далекую атмосферу неистового балагурства и скоморошества, где правил бал великий шутник своего времени – Петр I. Это он издал знаменитый указ: «От сего дня всем пьяницам и сумасбродам сходиться в воскресенье, соборно славить греческих богов» и воспевать здравицы и многая лета «еллинскому богу Бахусу и богине Венус». Это при нем был создан недоброй памяти Всепьянейший, Сумасброднейший, Всешутейший Собор, состоявший из людского отребья – чем дряннее человек, тем больше было у него шансов попасть в число «прихожан». При этом сам Петр занимал в этой шутовской иерархии скромную должность протодиакона, «исполняя обязанности свои с таким усердием, как будто это было совсем не в шутку». А знаменитые шутовские свадьбы, где невесте перевалило за шестьдесят, а жениху – за восемьдесят! А похоронные процессии карликов! А такое, к примеру, свидетельство очевидца: «Князя Волконского намазали смолой, поставили кверху ногами, забили ему в зад свечу, подожгли и стали водить хороводы с песнями. Дворянина Ивана Маслова надували мехом в задний проход, отчего тот и помер. К потехам царя все готовились, как к смерти». Шутовство Петра – тема отдельного обстоятельного разговора. Мы же сосредоточимся на одном забавном эпизоде того времени, а именно – на выборе потешного короля самоедов.

Здесь необходим исторический экскурс, иначе будет совершенно непонятно, кто же такие эти самоеды, как они жили в начале XVIII века и почему в голову царя пришла мысль поставить над ними главного.

Самоедами называли тогда кочевых ненцев. Русский географ XVIII века И. Г. Георги рассказывает, что живут они на Ямале и Мангазее, ведут кочевой образ жизни, а промыслы их состоят в звериной и рыбной ловле да в содержании оленей: «Семояди росту самага небольшого и редко бывают ниже четырех, а выше пяти футов. Впрочем, они коренасты, ноги и шея у них короткий, голова большая, лицо и нос нарочито плоския, нижняя часть лица немало выдалась вперед, рот и уши большия, глаза маленькие черные, веки продолговатыя, губы тонкия, ноги маленькия, кожа смуглая; волосу кроме головы нигде нет... он у всех черной и жесткий. У мужчин виден на бороде один только пух. Женьщины их постатнее, ростом ниже, и черты лица их понежнее, но так же, как и мужчины, некрасивы».

Самоед и самоедка

Самоеды были язычниками и поклонялись идолам, питались сырым мясом и пили кровь с большей охотой, чем воду, отличались воинственностью. Зимнее одеяние, которое они носили на голое тело, было сшито из оленьих, лисьих и других кож, а летнее – из рыбьих «шкур». Это были люди весьма своеобразной ментальности. Знаменитый шведский этнограф и путешественник Филипп Юхан фон Страленберг, побывавший у самоедов как раз в описываемое время, обратил внимание на то, что они пользовались даже особым способом подсчета: «Когда самоеды приносят свою дань, они связывают горностаев, белок и другие шкурки по девять штук. Но русские, которым это число девять не так нравится, при приемке развязывают эти связки и делают новые, по десять штук в каждой». Дикари при этом не понимали, чем не устраивают их такие замечательно удобные для подсчета связки. Как водилось у аборигенов, самоеды имели своего вождя, которому беспрекословно подчинялись.

Но великому реформатору Петру не было никакого дела до их традиций и обычаев. Он отчаянно воевал с отжившей стариной и своих-то русских часто сравнивал с «детьми малыми», которых надлежало воспитать по его разумению. Что же говорить о каких-то там аборигенах! Самоедами должен править не невежественный дикарь-вождь, прислушивающийся к заунывным камланиям шамана, а именно «король» – политичный кавалер в европейском вкусе. Пусть даже экзотики ради он обрядится в самоедские шкуры!

Было это еще до приезда Лакосты в Россию, в 1709 году. Петр пожаловал тогда титул короля самоедов их «бледнолицему брату» по фамилии Вимени. Есть и другое свидетельство – этот авантюрист якобы сам объявил себя главным самоедом, а царь лишь подхватил и одобрил это. Так или иначе, Петр устроил Вимени шутовскую коронацию, для которой были

специально вызваны двадцать четыре самоеда с множеством оленей, присягавшие новоявленному королю в верности.

Этот коронованный шут, сообщает мемуарист, принадлежал к «хорошему французскому роду, но в отечестве своем испытал много превратностей и долгое время содержался в заключении в Бастилии, что отразилось на нем периодическим умопомешательством». Приехав в Московию, он не разумел по-русски (не говоря уже о самоедском), и сохранилось письмо, в котором монарх приказывает: «Самоедского князя, который к вам из Воронежа прислан, вели учить по-русски говорить, также и грамоте по-славянски». С русским, однако, Вимени освоился довольно быстро и вскоре по приказу Петра перевел комедию Ж. Б. Мольера «Драгие смеянные» («*Les Precieuses ridicules*»). Впрочем, как замечает писатель Д. С. Мережковский в своем романе «Петр и Алексей», этот «перевод сделан... должно быть, с пьяных глаз, потому что ничего нельзя понять. Бедный Мольер! В чудовищных самоедских [писаниях] – грация пляшущего белого медведя». А впоследствии М. А. Булгаков в «Жизни господина де Мольера» назвал этот же перевод «корявыми строками».

Царь, однако, очень дорожил Вимени и, как свидетельствует Брауншвейгский резидент при русском дворе Ф. Х. Вебер, поселил самоедов из его свиты на Петровском острове близ Петербурга. Тут-то и произошла стычка между шутовским королем самоедов и их натуральным вождем. Рассказывают, что вождь «напал на людей, приехавших осматривать остров, изгрыз им уши и лица и вообще ужасно зло и свирепо их принял», а когда его примерно наказали, вождь, словно подтверждая название своего народа, «вырвал зубами кусок собственного мяса из своей руки». Историк XVIII века В. Н. Татищев считал, что самоеды человеческое мясо «прежде ели и от того имянованы». В этой связи понятно, что, невзирая на любые литературные огрехи, Вимени был угоден Петру как человек европейской культуры и его назначение королем «дикарей» весьма симптоматично.

Кортеж самоедов с Вимени во главе принимал участие в триумфальном шествии 19 декабря 1709 года по случаю победы над шведами в Полтавской битве. Датский посланник Юст Юль оставил детальное описание этой процессии. «В санях, на северных оленях и самоедом на запятках, – пишет датчанин, – ехал француз Вимени; за ним следовало 19 самоедских саней, запряженных парой лошадей, или тремя северными оленями. На каждой саней лежало по одному самоеду... Они были с ног до головы облечены в шкуры северных оленей мехом наружу; у каждого к поясу был прикреплен меховой куколь». И далее очевидец говорит об идейной подоплеке этого комического для европейского глаза действия: «Это низкорослый, коротконогий народ с большими головами и широкими лицами, – говорит он о самоедах и добавляет: – Нетрудно заключить, какое производил впечатление и какой хохот возбуждал этот поезд... Но, без сомнения, шведам было весьма больно, что в столь серьезную трагедию введена была такая смешная комедия». Вместе с тем шутовской король и его свита, по замыслу царя, символизировали сумасбродство настоящего шведского короля Карла XII, который пытался осуществить несбыточное – завоевать Россию, поделить ее на части и свергнуть Петра I с престола.

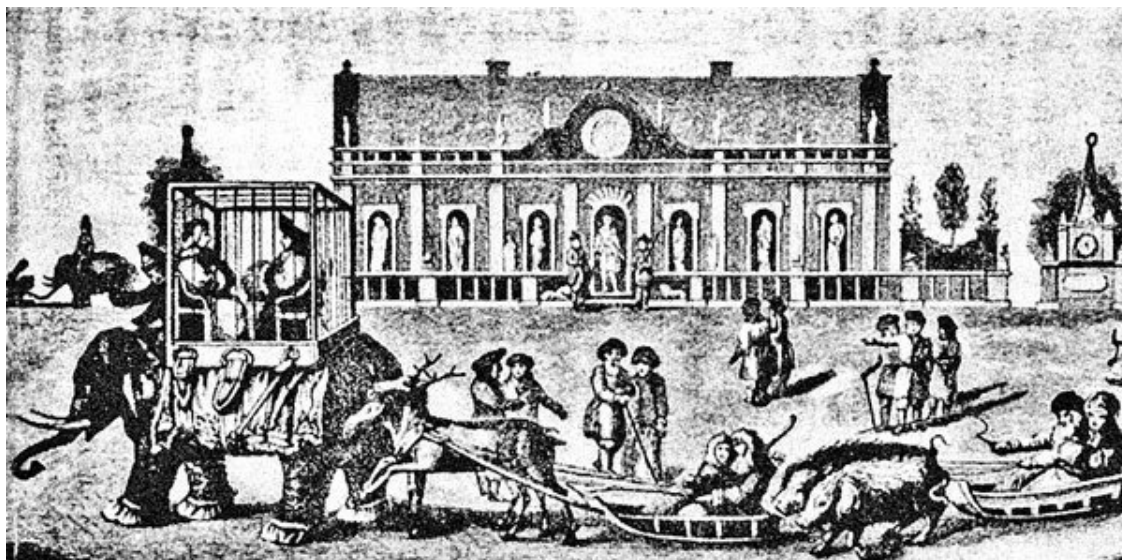
Вскоре после описываемого события француз-король самоедов ушел в мир иной. Очевидец описывает похороны, устроенные Вимени царем: «Много важных лиц, одетые поверх платья в черные плащи, провожали покойного, сидя на... самоедских санях, запряженных северными оленями с самоедом на запятках...»

Свято место пусто не бывает! Вместо француза Вимени следовало найти нового владельца самоедов. Писатель А. Родионов в своем романе «Хивинский поход» вкладывает в уста Петра I следующую реплику: «Шут он [Лакоста. —Л. Б.] изрядный, скоро я повышу его в звании. Лакоста будет королем самоедов и станет управлять «шитыми рожами» при моем дворе, а именовать его надлежит титулярным графом и церемониймейстером увеселений».

Понятно, что Петра I вовсе не интересовала национальная принадлежность начальника дикарей: Лакоста, как и его предшественник, был человеком политичным, образованным, и именно это определило выбор царя. По свидетельству современников, церемонию коронования шута царь отпраздновал в Москве с большим великолепием: на поклонение новоявленному «королю» явились двадцать четыре самоеда, приведшие с собой целое стадо оленей.

Трудно предположить, что шутовской король действительно правил самоедами. По-видимому, он играл чисто декоративную и представительскую роль и тем самым увеселял государя. Петр Дорофеевич, этот шут, изощренный в политесе, щеголял теперь своим самоедским одеянием. В таком виде он принимал участие в многочисленных маскарадах. За исправную шутовскую службу царь подарил Лакосте остров Соммерс, что в Финском заливе. Петр не расставался с ним и часто брал с собой в многочисленные поездки: в составленном А. Д. Меншиковым списке лиц, сопровождавших императора, значится и наш шут, и ему приказано приготовить трех лошадей.

И при императрице Анне Иоанновне Лакоста продолжал оставаться придворным шутом. В новых условиях он, однако, был вынужден мимикрировать. Дело в том, что в подборе шутов и шутих для двора императрицы обнаружилось смешение варварского, низменного и галантного, изысканного. Если при Петре I шутам поручалось высмеивать предрассудки, невежество, глупость (они подчас обнажали тайные пороки придворной камарилы), то при Анне шуты были просто бесправными забавниками, которым запрещалось кого-либо критиковать или касаться политики. Теперь вся шутовская кувыр-коллегия подчеркивала царственный сан своей хозяйки – ведь забавники выискивались теперь все больше из титулованных фамилий (князь М. А. Голицын, князь Н. Ф. Волконский, граф А. П. Апраксин), а также из иностранцев (Педрилло).

Свадебный кортеж направляется в Ледяной дом. Гравюра. XVIII век

Остроты шутов отличались редким цинизмом и скабрёзностью. Монархиня забавлялась, когда забавники, рассевшись на лукошках с куриными яйцами, начинали по очереди громко кукарекать. Ей были любы самые отчаянные выходки придворных дураков и дур – чехарда, идиотские гримасы, побоища. «Обыкновенно шуты сии, – писал мемуарист, – сначала представлялись ссорящимися, потому приступали к брани; наконец, желая лучше увеселить зрителей, порядочным образом дрались между собой. Государыня и весь двор, утешаясь сим зрелищем, умирали со смеху».

Чаша сия не миновала и Лакосту: писатель Валентин Пикуль в своем романе-хронике «Слово и дело» живописует нешуточную баталию шутов с участием Петра Дорофеевича. Впрочем, еврейский шут Петра I выделялся на фоне других забавников Анны Иоанновны: как отмечал ученый швед Карл Берк в своих «Путевых заметках о России», среди всех шутов монархини «только один Лакоста – человек умный». Петр Дорофеевич, надо думать, весьма потрафлял императрице – недаром был награжден специальным шутовским орденом св. Бенедетто, напоминавшим своим миниатюрным крестом на красной ленте орден св. Александра Невского. Орден сей «был покрыт красной эмалью с маленьким отшлифованными драгоценными камнями вокруг».

В. И. Якобы. Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны. 1872

Иной историко-культурный смысл обрела и вся история с самоедским королем. В отличие от Петра I, при котором национальные костюмы служили мишенью пародии и сатиры, для Анны с ее любовью к фольклору они имели самостоятельную ценность. Ведь это под ее патронажем учеными Петербургской Академии наук был осуществлен целый ряд научно-этнографических экспедиций в отдаленнейшие уголки России. Очевиден и интерес императрицы к северным народам. Она не только подтвердила за Лакостой титул самоедского короля, но и указом от 22 июля 1731 года обязала архангельского губернатора, «чтоб человек десять самоеди сыскать и с ними по одним саням с парюю оленей, да особливо одни сани сделать против их обыкновения болши и к ним шесть оленей... И вести их, доволствуя, а не озлобляя, чтоб они охотнее ехали и за оленми смотрели». Известно, что в октябре 1731 года самоеды приехали в Москву.

А в 1735 году под водительством Лакосты состоялось карнавальное действо – «аудитория самоедей» у императрицы.

Сообщается, что «шут Лакоста разыгрывал роль важной особы при представлении самоедских выборных и, выслушав их приветствие, в старинной одежде московского двора... сыпал серебро пригоршнями из мешка, с тем, чтобы для большей потехи государыни, смотревшей на шутовскую церемонию, самоеды, бросившись собирать деньги, потолкались и подрались между собою».

В. И. Якоби. Ледяной дом. 1878

Именем любимого шута монархиня распорядилась назвать фонтан в Летнем саду, строительство коего мастер Поль Сваль начал осенью 1733 года. Достоверно известно, что в 1736 году водомет уже действовал. До наших дней он – увы! – не дошел, однако петербургский археолог Виктор Коренцвиг полагает, что сей фонтан украшала фигура Лакосты в натуральную величину.

К празднованию свадьбы шута М. Голицына и шутихи А. Бужениновой в знаменитом Ледяном доме зимой 1739–1740 годов императрица «повелела губернаторам всех провинций прислать в Петербург по несколько человек обоего пола. Сии люди по прибытии своем в столицу были одеты на иждивении ее Двора каждый в платье своей родины». Эти разодетые посланцы всех населявших Российскую империю племен ехали на саних, запряженных оленями, волами, свиньями, козлами, ослами, собаками и даже верблюдами; играли на народных «музыкалиях», а затем ели каждый свою национальную пищу и залихватски плясали свои туземные пляски. В числе участников процессии значатся и «копейщик один, во образе воина, в самоедском платье», «Лакаста во образе самоедского владельца», «самоеда, одного мужского, а другого женского вида».

Этнографическая пестрота костюмов призвана была продемонстрировать огромность могущественной империи и процветание всех ее разноплеменных жителей (и самоедов в том числе). Иными словами, она обретала ярко выраженный панегирический характер. Как возгласил в стихах на сей случай пиит В. К. Тредиаковский: «Торжествуйте все российские народы, у нас идут златые годы!»

Россия предстала здесь страной многоликой и экзотичной. И самоеды с Лакостой во главе, как и другие российские народы, в этом своем подлинном, но пересаженном в столичный антураж виде выглядели маскаратно-фантастично.

После свадьбы в Ледяном доме имя нашего шута нигде больше не встречается. Но известно, что Анна Леопольдовна, ставшая осенью 1740 года регентшей-правительницей России при младенце-императоре Иоанне Антоновиче, уволила всех придворных шутов, наградив их дорогими подарками. Она гневно осудила унижение их человеческого досто-

инства, «нечеловеческие поругания» и «учиненные мучительства» над ними. И необходимо воздать должное ей, уничтожившей в России само это презренное звание (в шутовской одежде шуты при дворе больше уже не появлялись). А что Лакоста? Он ушел в мир иной в том же 1740 году. Может статья, устав от светской мишуры и придворной кутерьмы, он скинул с себя одежду главного самоеда империи и доживал свои последние дни тихо и неприметно, предвосхитив горькую мудрость своего далекого потомка-соплеменника, писателя Лиона Фейхтвангера, сказавшего словами своего героя: «Зачем еврею попугай?»

Казус Липмана Леви Липман

1550–1750-е годы в Европе называют периодом абсолютизма и меркантилизма. Именно в это время на историческую авансцену выходят придворные евреи, без коих не обходится ни один европейский венценосец. Они занимали высокие посты и рядились в пышное платье, словно опровергая слова из известной песни Александра Галича: «Ах, не шейте вы, евреи, ливреи!» Обладая аналитическим умом и предприимчивостью, «еврей в ливрее» обычно служил своему государю как финансовый агент, поставщик драгоценностей и ювелирных изделий, главный квартирмейстер армии; он начальствовал над монетным двором, создавал источники дохода, заключал договоры о займах, изобретал новые налоги и т. д.

Почему на сем поприще подвизались именно евреи? Дело в том, что в Средние века для иудеев наличествовал запрет на многие профессии, и они искусились в разрешенных им коммерции и бизнесе – делах, которые христиане традиционно считали презренными и заниматься коими не хотели, да и не умели. Потому, когда предпринимательская сметка и оборотистость оказались особо востребованными, евреи и заполнили образовавшуюся лакуну. И служили они королю, герцогу, курфюрсту верой и правдой, проявляя и завидную инициативу и исполнительность. При этом низкий правовой и социальный статус иудея (как представителя национального меньшинства, дискриминируемого по религиозному признаку) тоже пришелся к монаршему двору, ибо делал еврея фигурой более зависимой и управляемой, нежели христианина.

Самуэль Оппенгеймер

Карьера многих придворных евреев в Европе складывалась весьма успешно. Так, в Вене строительством оборонных укреплений руководил Самуэль Оппенгеймер (1630–1703), который утверждал, что каждый год «готовит для монарха две армии». Его коллега, богатейший еврей Германии Самсон Вертхеймер (1628–1724) (его даже называли «еврейским императором»), с честью служил трем правителям габсбургской династии, выполняя важные дипломатические поручения; в его дворцах висели портреты королей и герцогов, пользовавшихся его услугами. Придворный еврей курфюрста Саксонского Августа II Беренд Леман (1661–1730) в 1697 году сумел собрать 10 миллионов талеров, с помощью которых его патрон выиграл «выборы» и стал королем Речи Посполитой. Даже ревностный католик Карл V имел своего «еврея в ливрее» Иосефа из Росгейма (1476–1554), столь могущественного министра финансов, что император никак не мог обойтись без его услуг. При этом финансисты Вены, Гамбурга и Франкфурта были тесно связаны с банкирами и агентами Амстердама, Гааги, Лондона, Парижа, Венеции, Рима, Варшавы и т. д. И единая иудейская вера служила им своего рода порукой, гарантией надежности финансового партнера.

Но едва ли здесь следует видеть пресловутый «тайный еврейский заговор» в действии, исполнение якобы вековой мечты сынов Израиля верховодить целым светом. Если можно говорить о чем-то заговорщицком и бунтарском, то лишь о подкопе под основы феодального миропорядка. Очень точно выразил эту мысль американский историк-популяризатор Макс Даймонт: «Придворный еврей был революционером, провозгласившим приход совершенно нового, капиталистического государства, уничтожавшим власть и привилегии знати. В придворных евреях знать предвидела свою гибель».

Но обратимся к России первой половины XVIII века. До капитализма, а тем более до гибели знати здесь было, прямо скажем, далековато. Кроме того, в отличие от более веротерпимого Запада, где в большинстве стран к тому времени существовали еврейские общины, страна сия, как сказал тогда один титулованный юдофоб, была «доселе единственным государством европейским, от страшной жидовской язвы избавленным». Не только жить, но даже въезжать иудею в ее пределы строго-настроено возбранялось.

Однако, как посетовал когда-то историк-антисемит Александр Пятковский, «почти каждая ограничительная мера против евреев вела за собою и разные личные исключения». Есть таковые и в нашем случае, хотя их можно пересчитать по пальцам одной руки. Сохранившиеся сведения о таких евреях по преимуществу крайне скудны и отрывочны. Так, известно, к примеру, что некоему Абраму Роту Петр I дозволил открыть аптеку в Москве. А царскому фактору и торговому агенту уроженцу Вильно Израилу Гиршу в 1715 году за подписью «полудержавного властелина» Александра Меншикова был выдан патент на проживание в Риге – городе, традиционно закрытом для иудеев. Его сын, Зундель, обосновался с семьей в Петербурге и вместе с компаньоном Самсоном Соломоном стал поставщиком государева Монетного двора. Зундель занимался также доставкой леса на судостроительные верфи и колесил по всей стране. Он и его сын Моисей Гирш оставались в Петербурге и после указа Екатерины I от 20 апреля 1727 года о высылке всех евреев из империи. В своем письме на высочайшее имя, подписанном «нижайший раб жид Зундель Гирш», он просил продлить их пребывание в России, что и разрешил император Петр II указом от 6 января 1728 года. Впрочем, все названные лица – фигуры третьестепенные, не сыгравшие в российской истории какой-либо роли.

Гораздо более интересен весьма приметный иудей Леви Липман. Два десятилетия он вращался в самых высших сферах государства Российского. Его жизнь и судьба весьма показательны, ибо за всю историю Дома Романовых он был единственным некрещеным евреем²

² На тот факт, что Леви Липман не был крещен, уже обратила внимание американский историк Мина Куртисс в монографии «A Forgotten Empress. Anna Ivanovna and Her Era. 1730–1740» (New York, 1974).

при Императорском дворе. То, что было типичным явлением для европейской придворной жизни, в российских условиях становится феноменом исключительным, казусом, выламывающимся из общепринятого порядка.

Фортуна широко улыбнулась Липману в мрачные годы царствования императрицы Анны Иоанновны, которые называют иногда временем засилья инородцев. При этом охотно цитируют Василия Ключевского: «Немцы посыпались в Россию, как сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении». С легкой руки писателей XIX века правление Анны получило название Бироновщина по имени фаворита императрицы. И хотя видные российские историки (Сергей Соловьев, Александр Каменский, Евгений Анисимов) показали всю неосновательность преувеличения роли Эрнста Иоганна Бирона, равно как и существования при дворе какой-то особой «немецкой партии», некоторые исследователи и сейчас продолжают муссировать тезис о происках злокозненных русофобов.

По логике некоторых из них, получается, однако, что ту эпоху следовало бы именовать не Бироновщина, а Липмановщина, поскольку фаворит императрицы был якобы полностью обезличен приближенным к нему придворным банкиром Леви Липманом. Александр Солженицын в книге «Двести лет вместе» утверждает, что Бирон якобы «передал ему все управление финансами» и «обращался за советами по вопросам русской государственной жизни». А иные мемуаристы и литераторы прямо говорят, что Бирон вообще не принимал ни одного решения, пока оно не было одобрено этим евреем, и делают однозначный вывод – это Липман правил Россией! Спорное, мягко говоря, заявление! Нам остается, следуя историческим фактам, показать истинную картину.

Известно, что Липман был придворным евреем герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха (1700–1739) – отпрыска шведских королей. Хотя еврейская община в Голштинии была не слишком многочисленна и не все города проявляли к иудеям одинаковую толерантность (в Киле и Любеке, к примеру, евреям жилось хуже, чем во Фридрихштадте, Глюкштадте и Ренсбурге), Карл Фридрих национальными и религиозными фобиями не страдал и услугами евреев-финансистов охотно пользовался.

Надо сказать, что император Петр Великий связывал с этим герцогом, претендентом на шведский престол, насущные геополитические интересы империи, прочил ему в жены свою дочь и летом 1721 года радушно принимал его в России. Герцог прибыл в Московию со своей свитой, в коей были и придворные Моисеева закона, получившие специальное (!) разрешение въехать в страну как сопровождавшие такую высокую особу. Первое упоминание о Леви относится именно к этому времени. Голштинский камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Берхгольц в своем «Дневнике» от 23 июня 1721 года сообщает о своей остановке на пути в Петербург в известном трактире «Красный Кабачок», что в 15 верстах от города. «Вскоре после меня, – продолжает он, – приехал туда же с почтою из Ревеля наш жид Липман и немедленно отправился дальше»³. Пребывание Карла Фридриха в России затянулось на долгие шесть

³ В первом издании «Дневника» Фридриха Берхгольца (т. 1, с. 47) сказано: «Через Красный Кабачок проехал почтой из Ревеля в Петербург Голицынский придворный жид Липман». Эти сведения были приведены в т. 2 книги «Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России» (с. 251) и, опираясь на них, историк Юлий Гессен в «Еврейской энциклопедии» (т. X, с. 224) заключил, что Леви был будто бы выдвинутым президентом камер-коллегии, князя Дмитрия Голицына. Однако это явная опечатка. На самом деле речь идет не о «голицынском», а о «голштинском» придворном еврее, о чем свидетельствует упоминание о нем в тексте «Дневника» (в частности, здесь говорится, что этот «придворный жид» приехал в Петербург раньше герцога и объявил о его задержке, чем очень рассердил голштинского посланника в России, тайного советника Андрея-Эрнста Штамке). Кроме того, сомнительна правомерность определения «придворные» применительно к окружению князя. Известно также, что Дмитрий Голицын с презрением относился к иностранцам, а впоследствии именно князей Голицыных (вместе с Долгоруковыми и другими) обвинили в том, что те хотели отдать банкира Липмана на растерзание разъяренной толпе, о чем писала 7 января 1740 года газета «Bayreuther Zeitung».

лет: он сочетался браком со старшей дочерью императора Анной, стал членом Верховного тайного совета. И именно благодаря своему патрону Липман обрел полезные связи.

Судьбоносным стало для него знакомство с будущей императрицей Анной Иоанновной, в то время вдовствующей герцогиней Курляндской. Историк Мендель Бобе в книге «Евреи Латвии» (2006) утверждает, будто бы Липман при Анне «управлял всеми финансами герцогства». На наш взгляд, это маловероятно. Ведь известно: жизни Анны в Курляндии сопутствовало хроническое безденежье, о чем герцогиня постоянно жаловалась в письмах прижимистому «батюшке-дядюшке» Петру I и «тетушке-матушке» Екатерине I. Она всегда была в долгах, как в шелках. «Принуждена в долг больше входить, – писала она в Петербург, – а не имея чем платить, и кредиту не буду нигде иметь». Понятно, что заниматься финансовыми делами нищей Курляндии нашему еврею не имело никакого резона. А потому более логичной представляется нам версия историка Юлия Гессена: герцогиня тогда сильно нуждалась в деньгах, а Липман имел случай быть ей в этом полезным. Все денежные поручения Анны выполнял Эрнст Иоганн Бирон, ставший с 1722 года камер-юнкером ее двора. С ним-то и довелось вести дела Леви.

Эрнст Иоганн Бирон

По-видимому, Липман заслужил благосклонность русского двора: когда со смертью Екатерины I поддержка притязаний Карла Фридриха на шведский престол ослабела, тот

утратил какое-либо влияние при дворе и был вынужден летом 1727 года вернуться в Голштинию. Леви же остался в Петербурге. Примечательно, что вскоре после отъезда герцога, а именно 26 июня 1727 года, согласно указу, подписанному временщиком Александром Меншиковым, «еврею Липману» выплачивается 6000 рублей «за сделанные три кавалерии (ордена) Святой Екатерины с бриллиантами». Баснословно дорогие перстни и «разные золотые и серебряные с бриллиантами вещи» доставлялись через Липмана юному императору Петру II и его августейшей сестре Наталье Алексеевне, за что в 1728 году ему было заплачено 32001 рубль. (Надо понимать, что рубль тогда ценился дорого и по современным масштабам это действительно астрономические суммы!) Леви признавали авторитетным знатоком ювелирных изделий: после кончины цесаревны Натальи Алексеевны именно ему было поручено оценить все оставшиеся ее драгоценности.

Но особенно преуспевал Леви в царствование Анны Иоанновны. По-видимому, при всех ее недостатках, Анна помнила добро. Как заметил датчанин Педер фон Хавен, «как скоро императрица достигла престола, то в особенности наградила очень щедро некоторых купцов, которые именно решались давать деньги в заем». Одним из них был, несомненно, Леви Липман. И думается, не вполне правы те историки, которые полагают, что он – ставленник исключительно Бирона, а Анна Иоанновна будто бы не решилась перечить своему фавориту и лишь потому возвысила его протее. В действительности императрица была снedaема самыми противоречивыми чувствами: ее врожденный антисемитизм утишила благодарность к Леви за его прежние услуги, а нетерпимость к басурманам разбилась о неукротимое стремление не отставать в роскоши от дворов политической Европы. Итак, чаша весов склонилась в сторону «полезного» еврея Липмана. «Щедра до расточительности, любит пышность до чрезмерности, отчего ее Двор великолепием превосходит все прочие...» – говорили об императрице знатные иностранцы. И никто лучше Липмана не мог угодить самым прихотливым вкусам охочей до роскоши русской монархини. Уже в самом начале ее царствования, 30 июня 1730 года, «купцу Липману... за взятые у него к высочайшему Двору алмазные вещи» пожаловано 45000 рублей; в 1732 году приобретен бриллиантовый перстень ценой в 15000 рублей; в 1733 году последовал монарший указ об уплате еврею около 160000 рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.